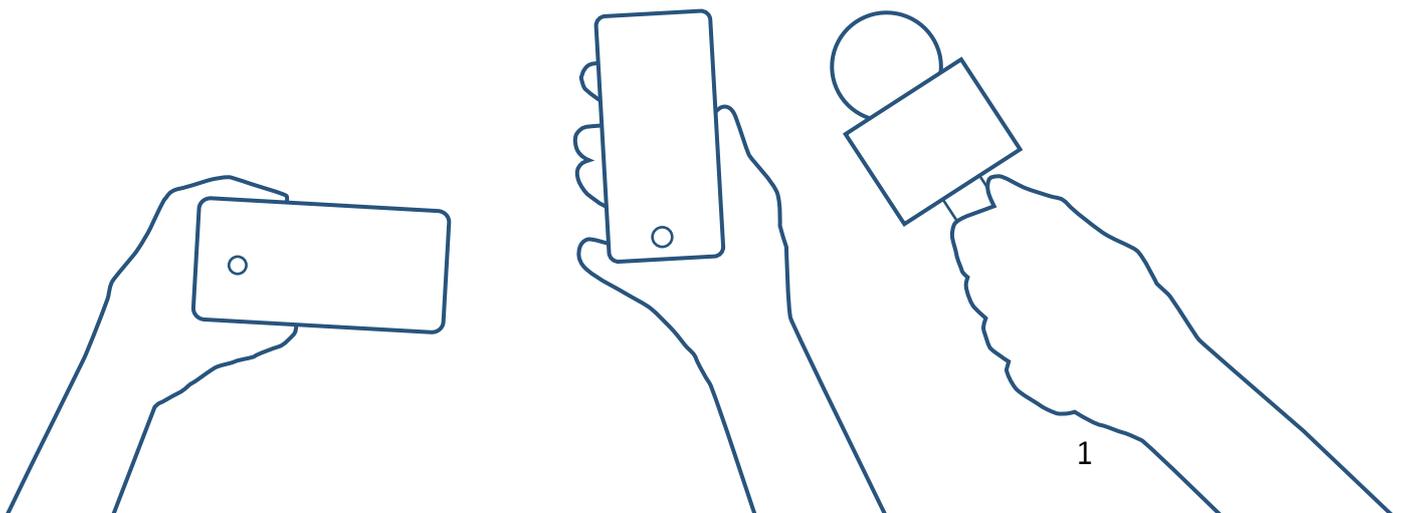


Книга  
Баренц-Пресс

# Журналистика in Russian

[Русская версия]  
Что необходимо знать западным коллегам  
о ситуации, в которой работают  
русские журналисты

**Полное  
исследование**



# Журналистика in Russian

(Журналистика по-русски)

Редакторы: Тим Андершон Раск, Анна Киреева,  
Бертулоф Бреннстрём и Оле Роде Йенсен

© Editors and Journalistföreningen Barents Press  
Sverige, 2020

Published by Journalistföreningen Barents Press  
Sverige

ISBN 978-91-985034-2-5 (book version)

ISBN 978-91-985034-3-2 (PDF version)

---

## Над книгой работали

Менеджер проекта

Тим Андершен Раск, Баренц Пресс Швеция

Идея проекта, дизайн и иллюстрации

Оле Роде Йенсен, Баренц Пресс Швеция

Интервьюер

Анна Киреева, Баренц Пресс Россия

Редакторы русской версии

Анна Киреева, Баренц Пресс Россия

Наталия Чернова, Баренц Пресс Россия

Редактор английской версии

Бертулоф Бленнстрём, Баренц Пресс

Швеция

Юридический обзор

Дамир Гайнутдинов, Правозащитная группа

Агора

Перевод

Татьяна Полькова, Баренц Пресс Россия

Интервьюируемые

Мы благодарим всех 28 журналистов

Баренц региона за откровенные ответы на  
вопросы о вашей работе.



*Вдохновение: плакат Нины Ватолиной (1941)*

## **О международной сети Баренц Пресс**

Международная сеть журналистов Баренц Пресс создана журналистами для журналистов и объединяет коллег из северных частей Норвегии, Швеции, Финляндии и Северо-Запада России.

Мы сотрудничаем, делимся знаниями, умениями и новостями, поскольку верим, что это способствует взаимодоверию, уменьшению количества фейковых новостей и пробелов в знаниях о наших странах.

Эта книга является частью нашей миссии.

# Пробелы, которых не должно быть

Знают ли западные журналисты все юридические, финансовые, этические вопросы, связанные с работой своих российских коллег? Знают ли российские журналисты о тех же аспектах работы западных коллег? К сожалению, ответ на этот вопрос отрицательный.

Существующий пробел в знаниях делает сотрудничество между коллегами-журналистами крайне сложным. Этого пробела не должно быть.

Мы надеемся, что эта книга поможет заполнить существующие пробелы. На ее страницах российские журналисты поделились рассказами о своей работе, представив ее не в черно-белом цвете, а во всем многообразии цветов и оттенков. Мы также обозначили основные юридические аспекты, с которыми журналисты сталкиваются в своей работе.

Мы верим, что современному обществу необходима качественная журналистика. Мы также уверены в том, что приграничное и международное сотрудничество является ключом к доверию и взаимопониманию.

**Коллеги, давайте  
заполнять пробелы!**

*Анна Киреева, Баренц Пресс Россия  
Тим Андершон Раск, Баренц Пресс Швеция*



## Центр Северной Журналистики о проекте

Уинстон Черчилль однажды сказал про Россию: «это загадка, завёрнутая в тайну, помещённая внутрь головоломки».

То же самое можно сказать о российской журналистике.

Центр Северной Журналистики пытается разрешить эту загадку, разгадать тайну и понять головоломку посредством обмена знаниями и опытом. Мы объединяем журналистов северных стран, чтобы они лучше понимали друг друга и условия работы друг друга.

Центр Северной Журналистики поддерживает данный проект и его стремление преодолеть барьеры между журналистами северных регионов Европы и России.

«Журналисты стран Северной Европы и России, при желании, могут многому научиться друг у друга, - отметил телеведущий Владимир Познер на ежегодном шведском мероприятии Almedalen. - Я абсолютно убежден, что существующие отношения между журналистами России и стран Северной Европы должны развиваться и укрепляться».

*Центр Северной Журналистики, [www.njc.dk](http://www.njc.dk)  
Лайф Лунсманн, Член Правления, старший советник*

*Джон Фролицц, руководитель*

Центр Северной Журналистики (NJC) - некоммерческая организация, основанная в 1957 году. Цель - усилить развитие СМИ и журналистики стран Северной Европы путем организации тренингов и курсов для журналистов, основанные на общих культурных ценностях и «Модели северных СМИ». Кроме того, NJC способствует развитию сети контактов журналистов и редакторов на севере Европы и Северо-Западе России.



# Анкета

**Интервью  
с 28 российскими журналистами\*  
представляющими различные СМИ**

\* Все интервью проводились на условиях анонимности. Указан только вид СМИ, которые представляет интервьюируемый





## По Вашему мнению, какие из российских законов, связанных с деятельностью СМИ, больше всего влияют на работу журналиста в стране?

Я не являюсь руководителем редакции, владельцем СМИ, поэтому не так часто сталкиваюсь с проблемами юридического характера, связанными с законом. Но мне кажется, сегодня есть ряд законов, которые влияют на деятельность журналистов, и их положения необходимо учитывать. Прежде всего, речь идет о порядке освещения деятельности органов государственной власти, критике власти в СМИ. Некоторые правовые нормы носят оценочный характер и могут толковаться двояко. Например, закон о противодействии экстремистской деятельности может привести журналиста и издание на скамью подсудимых даже если редакция не считает, что распространяла такие материалы. В той же степени это относится к закону о фейковых новостях.

*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

На мой взгляд, деятельность российских журналистов серьезно осложнили два закона, которые вступили в силу в конце марта нынешнего года – «Об оскорблении власти» и «Об ответственности за распространение фейковых новостей». Оба закона предусматривают крупные штрафы и блокировку СМИ, но при этом имеют весьма расплывчатые формулировки, которые дают возможность репрессивного применения этих законов по отношению к негодным изданиям или журналистам. Из-за угроз блокировки и штрафов редакционная политика многих СМИ стала более осторожной в критике власти, освещении конфликтных ситуаций и спорных исторических тем.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Все законы, связанные с информацией, ее передачей и распространением, так или иначе влияют на работу журналиста.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Последние изменения, связанные с оскорблением власти, а также закон, позволяющий записывать в иностранные агенты СМИ и журналистов.

*Редактор региональной партийной газеты*

В России очень хороший закон о СМИ, но, к сожалению, идут разговоры о том, чтобы его изменить. Он бы хорошо работал, если бы его исполняли. К сожалению, органы власти не всегда открыты и доступны так, как это прописано в законе.

Закон о пропаганде гомосексуализма. Потому что можно совершенно неосознанно попасть под него, поскольку он сформулирован крайне обтекаемо. В нем, в частности, не объяснено, что такое пропаганда,

поэтому любое некритическое высказывание в адрес гомосексуалов может быть расценено как пропаганда.

Закон об иностранных агентах и нежелательных организациях. Сейчас это касается и физических лиц. Сотрудничая с кем угодно по любому проекту можно получить статус «нежелательной организации».

Появились нормативные акты, которые засекречивают боевые потери страны и боевые действия. Занимаясь журналистским исследованием по данной теме можно получить крупный уголовный срок.

Отдельная тема – экстремизм. Есть организации, запрещенные в России (признанные террористическими или экстремистскими). Если в тексте надо упомянуть ИГИЛ, Правый Сектор и так далее, необходимо обязательно приписать, что эти организации запрещены в России. Иначе – крупный штраф.

Закон о фейковых новостях, который прописан так, что к фейковым новостям можно отнести всю информацию, которая кому-то может не понравиться. И суды, как правило, встают на их сторону. Тогда автора, будь он сто раз прав, могут оштрафовать за распространение фейковых новостей.

Закон об оскорблении власти. Любая критическая публикация при желании может быть расценена как явное неуважение к власти, и тогда автора оштрафует Роскомнадзор.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Наличие ограничительных законов не означает, что их нельзя обойти. Подобного было много и в советское время. Вопрос в том, как люди, следящие за исполнением закона, умеют читать между строк. Если человек боится черную кошку, он везде и во всем будет видеть черную кошку. Здесь важно наличие опытного юриста, который может отстаивать позицию СМИ.

Зыбкость трактовки законов чревата тем, что руководство СМИ, опасаясь попасть под действие статьи, ужесточает контроль над темами, которые попадут в эфир или выйдут в печать, и перестраховывается.

*Региональный журналист государственного СМИ*

На мой взгляд, один из самых пагубных законов, который противоречит принципу работы журналиста – помогать людям, – это требование: для публикации фотографии ребёнка необходимо письменное согласие родителя (опекуна или попечителя). В последние годы, в том числе и в Мурманской области, очень часто теряются люди. СМИ публикуют портреты детей с указанием роста, отличительных черт, предметов одежды, а потом получают предупреждения от Роскомнадзора. И тут возникает вопрос: спасти ребёнка, распространяя информацию, ждать письменного разрешения от родителей или вообще игнорировать эту информацию?

Похожая ситуация со статьями о наркотиках и суицидах. Их можно объединить под единым термином «о том-что-нельзя-называть». Как написать о самоубийстве, не называя последовательность действий человека? Никак. Или очень сложно. Именно поэтому российские СМИ практически перестали об этом писать.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Закон об информации, закон о СМИ, закон о рекламе.  
*Журналист государственной муниципальной газеты*

Как мне кажется, это законы, связанные с оскорблением и неуважением власти, о фейковых новостях, суицидах, а также размытые понятия закона об оправдании терроризма.  
*Журналист региональной частной телекомпании*

Закон о запрете иностранной доли во владении СМИ, поскольку в нашем регионе иностранцы владели основной долей в основных независимых СМИ. Это сильно повлияло на независимость СМИ в регионе – иностранцам пришлось продать свою долю первым попавшимся людям.  
*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Пугает все то, чего не знаешь. В том числе, закон об иностранных агентах, который распространили на частных лиц.  
*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

В последнее время это законы, связанные с оскорблением власти, чувств верующих. А также деятельность Роскомнадзора по выявлению экстремизма, сепаратизма и разжиганию ненависти.  
*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Закон об авторском праве, закон о СМИ, гражданский кодекс в сфере использования изображений граждан.  
*Редактор областной государственной газеты*

В первую очередь те темы, которые освещают журналисты нашего канала, определяются не законами, а руководством телеканала. Я, как журналист, не знаю всех положений закона о СМИ, да и смысла в этом знании нет.  
*Региональный журналист государственного телеканала*

Закон о СМИ, поправки об оскорблении власти, ограничения Роскомнадзора, оскорбление чувств верующих.  
*Журналист регионального информационного агентства*

Закон о СМИ. Но журналисты не обязаны знать все законы, и статьи на острые темы всегда вычитывают юристы.  
*Журналист областной газеты и сайта*

Прежде всего, это ограничения Роскомнадзора, которые нельзя игнорировать, это закончится штрафом или блокировкой ресурса. Закон о

рекламе, который запрещает говорить «самый», «наилучший» и другие слова в превосходной степени в рекламных статьях. Антимонопольная служба может оштрафовать, и суммы штрафов будут исчисляться сотнями тысяч рублей.

*Редактор регионального онлайн издания*

Закон о СМИ, о защите чести и достоинства, закон о выборах. А также поправки в закон об авторских правах.

*Фрилансер региональных СМИ*

Новые ограничения Роскомнадзора, поправки, связанные с оскорблением власти и чувств верующих, сильно влияют на деятельность журналистов.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Об оскорблении власти, об оскорблении чувств верующих, о гостайне, уголовное наказание в виде реальных сроков за клевету.

*Редактор частной городской газеты*

Затрудняюсь ответить про законы, но ограничения Роскомнадзора точно влияют.

*Журналист частного интернет-издания*

Я не в курсе названий законов, у нас есть юрист, который занимается этим вопросом.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Принятый недавно закон об иностранных агентах для физических лиц. Дело в том, что сейчас большая часть независимых медиа в России не хочет брать журналистов в штат и предпочитает работать с фрилансерами, особенно в регионах, и это, разумеется, также касается журналистов Баренц-региона России. Среди них есть и те, куда я пишу: «Радио Свобода» и его проекты «Север.Реалии» и «Сибирь. Реалии». Все они признаны иностранными агентами, а я получаю от них гонорары и, по роду деятельности, распространяю информацию. Так что для меня угроза получить статус иностранного агента очень высока.

Пока неизвестно, будут ли как-то уведомлять о присвоении статуса, или может случиться так, что, к примеру, мои страницы в соцсетях внезапно заблокируют по решению прокуратуры и Роскомнадзора. Также, возможно, меня могут обязать сдавать финансовую отчетность. В случае, если меня не информируют или информируют не вовремя, есть опасность, что на меня наложат крупный штраф и заморозят мои банковские карты.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Закон о СМИ, закон о персональных данных. Закон об авторском праве недостаточно влияет, на мой взгляд. Право на неприкосновенность частной жизни тоже влияет не так сильно, как за рубежом.

*Редактор регионального информационного сайта*

В данный момент – закон о фейковых новостях, об оскорблении представителей власти, а также многочисленные ограничения в законе о рекламе, сделавшие, например, почти невозможным печать материалы о медицинских услугах (нельзя раскрывать методы лечения, называть аппараты, нужно употреблять только находящиеся в реестре названия процедур и т.д.), или печатать практически выхолощенные тексты, которые не нравятся рекламодателям. И даже если это будет бесплатный информационный материал (свободный от этих ограничений), в нем все равно будут искать признаки рекламы и применять все эти требования. Последнее влияет на газетный бизнес и на возможность зарабатывать деньги. Как следствие – на само СМИ, на его независимость от поиска других источников дохода.

*Журналист городской газеты*

Не буду говорить за всю страну, скажу только про издание, где работаю, и коллег, работающих в нашем регионе. Конечно же, больше всего на нашу работу влияет закон о СМИ» – он дает нам право запрашивать информацию как устно, так и письменно. При непредоставлении информации или нарушении сроков ответа (семь дней) всегда можно пожаловаться в прокуратуру – эта мера до сих пор работает и оказывается действенной.

Я жаловался даже на структуры правительства Санкт-Петербурга, которые проигнорировали запрос (работает ли еще экс-сенатор Сергей Катанандов помощником губернатора СПб?). После обращения в питерскую прокуратуру из правительства СПб нам быстро ответили, хотя их все-таки не оштрафовали.

Но закон о СМИ не только дает такие хорошие инструменты, но и ограничивает в работе. Несколько раз он создавал нам проблемы при упоминании несовершеннолетних, которые стали объектами насилия, что запрещено этим законом. Мы не собирались его специально нарушать, но все эти случаи связаны с рерайтом материалов федеральных СМИ, которые открыто упоминали таких детей (например, покончивших собой курсантов Петрозаводского речного училища). К федеральным СМИ Роскомнадзор претензий почему-то не предъявлял за распространение изображений и имен курсантов, а региональные СМИ пытался наказать. Нам удалось избежать наказания, получив письменное разрешение родителей.

Влияет на нашу работу и закон о персональных данных. Он иногда создает похожие проблемы при распространении данных о людях. Издание, где я раньше работал, например, оштрафовали на пять тысяч за разглашение имени горожанина, который покончил с собой, после жалобы его отца в РКН и прокуратуру.

В связи с разными тайнами, которые защищены законодательно, сталкиваемся еще с законом об основах охраны здоровья граждан в РФ (врачебная тайна), законом о коммерческой тайне.

В последнее время стал влиять на работу закон об информации, ин-

формационных технологиях и о защите информации, который позволяет наказывать за неуважение к госорганам и символам власти. Претензий к нам по этой линии не было, но юристы и директор нашего СМИ перестраховываются, опасаясь штрафов, и предлагают иногда снять некоторые материалы. Последний пример – в нашем городе неизвестные расклеили ироничные плакаты с Путиным. Мы опубликовали фотографии этих плакатов, но потом удалили одну из фотографий, где под Путиным была подпись «Крым мой». Остальные фотографии и текст про плакаты остались на нашем сайте.

*Редактор сетевого областного издания*

Закон о СМИ, о запрете распространения персональных данных.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

В первую очередь я бы отметил федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности. Очень многие публикации можно притянуть к нему за уши и привлечь СМИ и журналиста к уголовной ответственности.

Федеральный закон об информации, информационных технологиях и о защите информации, в особенности пункты о запрещении распространения информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Кроме того, запрещается распространение сообщений и материалов иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента.

Получается, что обычную безобидную информацию (даже с критическим подтекстом) можно подвести под этот закон.

Федеральный закон о внесении изменений в кодекс российской федерации об административных правонарушениях, где введена административная ответственность за распространение в СМИ и Интернете заведомо недостоверной общественно значимой информации.

Штрафы огромные. А формулировки размытые. Опять же, можно найти применение к любому журналисту, если немного постараться.

Изменения в закон об информации, информационных технологиях и защите информации и ограничить доступ к оскорбительным материалам. Это так называемый закон о неуважении к власти. Четкого определения того, что считается неуважением... нет. Поэтому трактовка может быть любой. А цена вопроса немалая.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## **Каковы, на Ваш взгляд, самые спорные, болезненные или «опасные» темы, которые могут освещаться в российских СМИ? Существуют ли темы, которые СМИ вообще или Вы, как журналист, предпочитают/предпочитаете избегать?**

Самые опасные темы связаны с критикой власти, массовыми протестами. В моем СМИ, например, очень скудно освещается тема протестов на станции Шиес – мы можем публиковать только официальную информацию, которая либо не отражает всей картины происходящего (или вообще искажает ее), либо не изобилует цифрами и фактами. То же связано с другими поводами для протестных действий. Проблема коррупции во власти – тема опасная, за нее мало кто берется из журналистов, еще меньше СМИ, желающих публиковать такие материалы.

*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

Самые опасные темы в российских СМИ связаны с расследованиями коррупции. Отсутствие у большинства СМИ возможности обеспечить надежную защиту журналистам, как судебную, так и физическую, приводит к отказу СМИ от серьезных журналистских расследований в отношении влиятельных политиков и бизнес-групп. Как журналист, я также не возьмусь за такое расследование, если оно будет угрожать безопасности моих близких.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Спорные темы – война на Украине или в Сирии. Но лично мне эти темы неинтересны, и я их не освещаю. Есть жестко регламентированные темы: несовершеннолетние дети, суицид, межнациональные конфликты. Здесь надо очень аккуратно выбирать формулировки. Критика власти – опасная тема, можно попасть под закон об оскорблении власти, где формулировка «оскорбления» не прописана. Я избегаю тем, которые не связаны с регионом присутствия моего СМИ. Это неинтересно читателю. Каких-то некомфортных тем, которых бы я специально избегал, нет.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Болезненная реакция всегда связана с материалами, касающимися экономической выгоды государства: о больших корпорациях, о нефтегазовых компаниях, об их негативном влиянии на окружающую среду региона и так далее.

Критика власти на региональном уровне вполне уместна. Освещение публичных акций протестов и митингов вызывает пристальное внимание контролирующих органов. Главное, чтобы не было призыва к протестам.

Однажды мы опубликовали фото с плакатом «Хватит кормить Мо-

скву», этот текст был продублирован в статье. Правоохранительные органы обратились за экспертизой этой фразы на предмет экстремизма, сепаратизма – мы могли затронуть аспекты федеративного устройства. Экспертиза не подтвердила экстремизма. Наши юристы не позволили изъять тираж и конфисковать компьютеры.

*Редактор региональной партийной газеты*

Личная жизнь президента и его семьи. Деятельность Пригожина. Любая история, связанная с коррупцией в органах власти. В принципе, любая тема может быть чувствительной, если она касается высокопоставленных персоналий. Думаю, что государственные СМИ не будут писать на указанные темы. Независимых СМИ так мало, что мы пытаемся писать обо всем.

Я сам выбираю, какой темой заниматься – не с точки зрения рисков, а с точки зрения моего понимания темы.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

У каждого есть свой опыт «обжигания» на какой-то теме. Но тут проблема не в конкретных темах, а в том, что многие региональные СМИ имеют информационные контракты с властью и крупными региональными предприятиями. Наличие таких контрактов ограничивают углубление в проблему, такие СМИ стараются не заострять проблемную тематику.

Сейчас финансовая составляющая для СМИ доминирует, деньги и контракты на обслуживание власти и компаний стали подобием цензуры. Само слово «цензура» уже не используется, это ругательное слово. А вот внутренний цензор присутствует, как правило, везде – вряд ли хоть одно региональное СМИ выживет без подобных контрактов.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Могу сказать, что в моём издании нет публикаций о «потеряшках», суицидах и наркотиках. Нет от слова «совсем». К сожалению. И не потому, что я, как редактор, опасаясь штрафов, а потому, что судебные дела отнимают уйму времени и нервов.

*Региональный редактор федеральной газеты*

«Опасные» темы - насилие над детьми, суициды, гомосексуальные отношения. Никогда не знаешь, что в этом случае тебе прилетит от Роскомнадзора.

Я пишу на определенную тему, не связанную с тем, что указал выше, поэтому избегать мне нечего. Но были случаи, когда наша редакция не писала о громких делах типа суда над бывшим главой аппарата правительства Мурманской области. Почему, мне неизвестно. Но я думаю, чтобы не ссориться с главой региона, так как ее имя тоже фигурировало в материалах дела.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Тема суицидов, поскольку можно попасть под преследование закона о

возможном распространении информации о способе суицида. Подобный инцидент произошел с норвежским сайтом «Баренц Обзёрвер». Наше СМИ независимое. Учредителями являются частные лица. Они, как правило, не вмешиваются в работу редакции. Иногда учредители нам могут что-то посоветовать на коллегиальном уровне, но не в приказном порядке.

Для меня нет тем, которых я избегаю. Однако я избегаю того, чтобы лично приглашать в студию различных людей. Например, не люблю приглашать на интервью руководителей города, которые являются членами правящей партии «Единая Россия». У них существует партийная дисциплина, которая «запрещает» им думать и быть искренними. Интервью с ними скучны и лукавы как для меня, так и для зрителей. Эти люди, как правило, не отвечают на вопросы правдиво или вообще уходят от ответов.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Тема Кавказа и Чечни – здесь физическая опасность. Несколько лет назад, когда всплыла тема об ужасных условиях для чеченских геев, мы об этом писали и опасались преследований.

Тема частных военных компаний. Нашим журналистам поступают прямые угрозы. В редакцию однажды принесли корзину с погребальными кладбищенскими цветами и отрубленной головой барана с прикрепленной фотографией журналиста газеты. И после этого на разных ресурсах стали появляться репортажи и статьи, порочащие репутацию газеты и отдельных журналистов.

Тема коррупции во власти. Но эта тема перестала быть опасной, поскольку чиновники просто не реагируют на такие расследования. С одной стороны, есть простор для расследований журналистов, и им за это ничего не будет. С другой стороны, для чиновников нет никаких последствий. Кроме того, и читателям эта тема уже приелась.

Закон об оскорблении власти. Чувство самоцензуры многократно возросло. Если мы пишем о митинге, тщательно подбираем фотографии, чтобы там не было оскорбления власти. Нам постоянно приходится решать для себя вопрос: хотим ли мы опубликовать что-то очень критическое или хотим продолжать работать дальше. Иногда мы решаем, что стоит рискнуть существованием газеты, но опубликовать материал.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Самое сложное, когда журналисты своими репортажами задевают интересы очень крупных бизнес-компаний. Трудно стало писать расследовательские материалы, которые могут задеть крупные корпорации. СМИ потащат в суды, которые встанут на сторону компании, а не издания.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Темы, связанные с коррупцией, – к ним сложно подойти в небольших городах, источники опасаются за свою анонимность, их можно сразу вычислить.

Критика власти, религиозные темы, все, что касается акций протестов

и митингов. Здесь включается самоцензура, тексты вычитываются юристами и так далее.

Не могу припомнить ни одну тему, которую бы журналисты нашего СМИ попытались бы избежать

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Мы стараемся избегать многих тем, если эти темы не спускаются нам от правительства области, которое является учредителем СМИ. Иначе это закончится просто снятием материала. Это, в том числе, темы Шиеса и вообще экологических проблем, социальная поддержка семей (очень болезненная тема), проблемы здравоохранения. Мы, как государственное СМИ, избегаем всех острых тем, связанных с любой сферой деятельности.

Важно понимать, что эти запреты связаны не с политикой государства, а с волей отдельных региональных или городских чиновников, директоров, «маленьких царьков», которые сами устанавливают правила.

*Редактор областной государственной газеты*

Опасные? Да самые рядовые темы не имеют места в наших репортажах: акции протеста, проблема мусора и защиты окружающей среды, ЛГБТ, суициды, закрытие бюджетных учреждений (сельских школ, фельдшерско-акушерских пунктов), проблемы предприятий, у которых договорные отношения со СМИ (рекламные контракты, контракты на информационное обслуживание).

Стоит отметить, что работа журналиста почти круглосуточная, часто без выходных, и очень малооплачиваемая. Рекламные договоры СМИ никак не отражаются на оплате работы журналиста.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Мы не будем фотографировать детей. Но мы можем писать на любую тему, так как я работаю в частном СМИ.

Самые опасные темы для СМИ – протесты, домашнее насилие, темы, связанные с отдельными чиновниками и бизнесменами, тема суицида.

*Журналист регионального информационного агентства*

Не существует таких тем, на которые мы бы не писали. Но у нас такая ситуация в стране, что любая тема может быть болезненной. Мы пишем о проблемах региона, несмотря на то, что его правительство является одним из учредителей нашего СМИ.

Мы, конечно, выполняем заказы на информирование о деятельности областного правительства, а также отрабатываем рекламные контракты с разными учреждениями, но нас не зажимают в остальной тематике – мы пишем о проблемах, которые существуют у нас в регионе.

*Журналист областной газеты и сайта*

Это темы, связанные с экологическими проблемами – когда пишешь о самых резонансных проблемах, никогда не знаешь, чем это обернет-

ся. Здесь всегда ходишь по грани.  
Темы, связанные с военными вопросами, – очень легко попасть под военную или государственную тайну.  
Темы, связанные с террористическими вопросами.  
*Редактор регионального онлайн издания*

К опасным темам я бы отнес темы, связанные с организованной преступностью и коррупцией в структурах власти – тут сложность в получении достоверного инсайда, доказательной базы и опасность последствий для журналиста после публикаций.  
К болезненным или спорным темам я бы отнес тему декоммунизации – отказ от коммунистической символики, переосмысление советского периода и персоналий (Ленин, Сталин), переименование городов и улиц. Эта тема болезненная для части населения.  
Права сексуальных меньшинств – еще одна сложная тема. Закон о пропаганде ЛГБТ был изначально принят в нашем регионе, и от нас ушел на федеральный уровень.  
Очень спорная тема – сексуальное воспитание.  
Религиозная тема и оскорбление чувств верующих – тоже сложная тема. Но тут спокойствие региональных СМИ зависит от личности того, кто возглавляет Епархию: будет ли после каждой заметки истерия или спокойная реакция.  
Тема Шиеса – проблема крайне болезненная для региональной власти. Региональные государственные СМИ в принципе не освещают ничего, связанного с этой темой.  
*Фрилансер региональных СМИ*

Есть очевидные табу – первые лица государства, партия «Единая Россия», члены правительства, региональные власти. Если говорить о региональной тематике, то любые вещи, связанные с критикой власти, просто так не появятся в нашем СМИ. Учредитель СМИ – региональное правительство, оно контролирует материалы, которые мы выпускаем.  
*Журналист регионального онлайн СМИ*

Критика федеральных властей, Шиес, православие, патриотизм – это спорные. Иногда стараемся не критиковать местные власти в вопросах подозрений в коррупции, потому что «не трогали бы вы это, вам же хуже будет».  
*Редактор частной городской газеты*

Опасна тема самоубийства, темы, связанные с наркотиками, ЛГБТ, религиозные аспекты. Я освещаю все темы, но с большой осторожностью.  
*Журналист частного интернет-издания*

К таким темам относятся любые конфликтные ситуации, в которых одной из сторон конфликта являются правоохранительные органы (драки с участием полицейских, судебное разбирательство, разгон

митингов). А также ситуации, где задействованы интересы бизнеса, которые идут вразрез с интересами жителей.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Как показала практика, опасными могут быть и темы политики, и темы экономики, и темы социальной сферы, и темы экологии. Если они подаются в невыгодном для власти свете, если содержат критику власти, и, в некоторых случаях, даже если подаются нейтрально. Так, к примеру, мой коллега, журналист из Архангельска, который писал материалы о штабе известного в России оппозиционного политика и был его волонтером в 2017 году, неожиданно для себя стал свидетелем по делу о якобы незаконном финансировании штаба. И, хотя это противозаконно, у него дома провели обыск и изъяли жесткий диск от компьютера и телефон.

Многие журналисты, включая меня, много пишут о строительстве мусорного полигона на Шиесе, о связанных с ним махинациях, о настроениях людей. Мы цитируем активистов, которые, в том числе, критиковали российскую власть и конкретно Путина. Я много пишу на темы экологии, и все они политизированы – за авариями, катастрофами или ухудшающейся экологической обстановкой в разных регионах страны всегда стоят крупные компании, связанные с российской властью.

Опасными также являются темы, связанные с историей страны – многие помнят дело карельского историка Юрия Дмитриева, он обнаружил кладбище Сандармох, где захоронены узники ГУЛАГа. Сегодня правду о событиях того периода истории СССР в России предпочитают замалчивать либо искажать.

Я, конечно, боюсь писать на все эти темы, но не писать про все это невозможно, люди должны это знать.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Самые опасные темы для меня: истории, где нарушаются права несовершеннолетних, о них сложно писать – много запретов; тема самоубийства – невозможно давать иногда даже важные детали (нельзя описывать способ), а также коррупции, халатности чиновников. Опасна реакция Роскомнадзора, которому надо выполнять «план по нарушениям».

*Редактор регионального информационного сайта*

Те, которые можно истолковать двояко, подвести под какой-нибудь из законов (например, о тех же фейковых новостях).

*Журналист городской газеты*

Самая болезненная тема – межнациональная рознь, о каких-нибудь кавказцах, которые совершили преступление, кого-нибудь ограбили и избили. Эти публикации вызывают и взрывную реакцию общества, и реакцию властей. Этой темы стараюсь избегать. Лучше писать об этом, как о факте преступления, чтобы даже не было намеков на национальную составляющую.

Еще одна болезненная тема – злоупотребления со стороны силовиков, скажем, ФСБ или центров «Э» МВД, их акции устрашения в отношении политических активистов. После протестов 26 марта 2017 года я писал об этом. В результате были раздраженные звонки от бывшего руководителя пресс-службы областного УФСБ с попыткой надавить на меня: «Готов ли ты нести ответственность за эти намеки?», «Твои тексты бездоказательны!».

*Редактор сетевого областного издания*

Большая часть СМИ в России имеют учредителя, который выплачивает зарплату журналистам. И от его принадлежности к политической партии, взглядов на жизнь и цели работы зависит то, какие темы могут стать запретными. На своем опыте могу точно сказать, что в бюджетном региональном СМИ мы не критикуем губернатора, например. Можем в скандальной ситуации сглаживать углы, смягчать удары. Мы не оцениваем принятые законы, только информируем население об их вступлении в силу или каких-то изменениях.

Жесткая политика в системе СМИ, точнее даже контроль и подчиненность, сказывается на поведении журналистов. Мы взвешиваем темы, заранее оцениваем и стараемся предугадать, какой резонанс будет. Я чаще работаю с социальными и экологическими темами, они все равно так или иначе связаны с правительством, работой министерств. Здесь допускаются критика и возможность оценки некачественной работы. Бюджетные СМИ не могут себе позволить того, что делают оппозиционеры, это точно.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Опасно писать о самоубийствах, особенно детских, даже если процент этих случаев растет. Это может быть истолковано как призыв к суициду. И разбираться особо никто не станет. Запрет на распространение информации о способах совершения самоубийства и призывы к совершению самоубийства устанавливается статьей 15.1 закона об информации, информационных технологиях и о защите информации.

О том, что планируются выступления массовые. Тоже истолкуют, как призыв, если демонстрация не в русле государственных интересов. Аналитика на военные и политические темы вполне может стать поводом для обвинения в раскрытии гостайны или тайны военной. Даже если информация взята из открытых источников. Такое уже случалось с нашими учеными.

Если ты вдруг решил написать статью на тему фашизма, национализма, то надо быть крайне осторожным, чтобы тебя вдруг не обвинили в пропаганде. То есть, аргументы нацистов, даже если за ними следует полное развенчание, могут быть расценены именно как пропаганда. Очень скользкие темы – религиозная и национальная. Потому как возбуждение национальной или религиозной розни – это тоже статьи. И если напишешь, что группа разъяренных мусульман выкрикивала оскорбления в адрес прихожан православной церкви, или наоборот, то ничто не помешает обвинить тебя в разжигании розни.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



### Как в Вашем СМИ принимается редакционное решение?

- Вам говорят, какие темы освещать?
  - Обсуждение тем и принятие решения происходят на редакционных планёрках? (За кем последнее слово?)
  - Принимаете ли Вы сами лично решение на основании своей журналистской позиции?
- Если все три варианта имеют место, можете ли Вы определить приблизительно их процентное соотношение?

Есть темы, которые определяются руководством редакции. Например, освещение перехода России на цифровое вещание – об этом нужно было писать много и подробно, хотя я, например, не считал это необходимым. Есть редакционные задания, связанные с визитом в регион официальных лиц – эти темы обязательны, это даже не обсуждается. Большинство тем региональной повестки я предлагаю и отрабатываю сам с учетом масштаба события, резонанса повода. В принципе я могу отказаться от выполнения задания, если обосную свою позицию. Например, я не считаю нужным (и даже считаю вредным) распространение материалов «ЭКО-Медиа Баренц», я не освещаю их мероприятия, хотя не исключаю, что они могут заключить контракт с редакцией на освещение их деятельности, и в этом случае другой журналист отработает их заказ.

Мне кажется, соотношение «решение руководства редакции/мое решение» примерно 20 к 80.

*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

Редакционную политику нашего издания определяет главный редактор, но темы в большинстве случаев предлагают сами журналисты. Я свободен в выборе тем, но в их числе есть табуированные – личная критика президента и губернатора (отчасти это обусловлено законами, которые упомянуты выше, отчасти – контрактом с региональной администрацией), а также бизнес-групп, связанных с учредителем издания. В этом случае я могу предложить материал на табуированную тему другому изданию или разместить его в соцсетях. Лично я принимаю журналистское решение самостоятельно и не пишу тексты, которые противоречат моим внутренним убеждениям.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Обсуждение происходит на планерках, где главное слово за редактором.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Решение принимается коллегиально: главным редактором, руководителями тематических отделов, журналисты тоже в этом участвуют. Последнее слово за главным редактором, но лишь формально.  
*Редактор региональной партийной газеты*

Второй и третий вариант. Идеи обсуждаются на планерках коллегиально. В моем издании авторы могут отказаться от работы над материалом из-за конфликта интересов или персонального риска.  
*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Нам говорят, какие темы освещать.  
*Региональный журналист государственного СМИ*

Еженедельно у нас проходят планёрки, на которых журналисты предлагают темы для публикаций, рассказывают мне, с какими спикерами они планируют поговорить. Я что-то советую, делюсь контактами. Кроме того, конечно, некоторые темы предлагаю я и назначаю того, кто этим будет заниматься. Или оставляю тему себе. Безусловно, последнее слово остаётся за мной. Чаще всего я отклоняю или откладываю тему, если понимаю, что журналист с ней пока не справится.  
*Региональный редактор федеральной газеты*

Есть темы, которые априори будут освещены — городская и областная жизнь. Бывает, что главный редактор дает задание, на какую тему писать. Бывает, он требует писать в определенном ключе. Например, кого-то конкретного похвалить, а кого-то поругать. Среди причин могут быть личные предпочтения или рекламные отношения с компаниями. О некоторых компаниях и их важной информации мы можем не писать до тех пор, пока они не разместят в нашей газете рекламу. Обсуждение тем происходит на ежедневных планерках. Решение принимается на редакционной планерке, но последнее слово остается за главным редактором или выпускающим редактором. Я также принимаю решение писать о чем-то или нет. Если задание поступает от главного редактора, и оно мне не нравится, особо вариантов нет, приходится писать. Зачастую начальство требует и определенного угла в освещении темы. Если я не согласен с этим углом, я все равно пишу текст, но стараюсь «угол смягчить», так как понимаю, что если отдам этот текст другому журналисту, то, скорее всего, останется лишь позиция главного редактора. За много лет у меня было максимум четыре ситуации, когда я был кардинально не согласен с позицией главного редактора. И всегда мне удавалось смягчить текст. Но со временем главред понял мои уловки, такие темы теперь сразу отдает другому журналисту.  
*Журналист государственной муниципальной газеты*

Темы выбирает редактор, корреспонденты сами также предлагают редактору информационные поводы. Решение принимает редактор ТВ и информационных выпусков. Иногда происходит обсуждение с

корреспондентами.

Каждое утро у нас проходят короткие планерки. На них обсуждаются актуальные темы дня и предстоящие съемки. Редактор принимает решение вместе с корреспондентами. Бывают ситуации, когда редактор предлагает тему, а все корреспонденты не приветствуют ее, говорят, что это неинтересно. И редактор прислушивается к мнению коллег, снимает её с повестки.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Все три варианта имеют место. Все зависит от позиции самого журналиста и круга тем, на которых он специализируется. Иногда журналисты лучше редакторов знают, о чем и когда важно написать. Все это координируется на общих планерках – на них же даются задания, которые оперативно нужно сделать. Есть темы, которые требуют длительной работы.

Субординации у нас мало, но много именитых авторов. Обычно редактор соглашается с доводами журналистов. Журналист – не функция, а личность со своим мнением.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Решения принимаются на планерках, но очень часто журналисты сами предлагают сюжеты. Иногда их отвергают (очень редко), обычно соглашаются.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Обсуждение тем и их предложение происходит на планерках. Редактор определяет актуальность темы и предлагает, в какой упаковке ее подать. Журналисты могут предлагать свои темы, и их мнение может не совпадать с мнением редакции, тогда на сайте выйдут авторские колонки.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Департамент информации и общественных связей региона спускает нам список тем и новостей, которые мы должны отработать. Эти задания на планерках раздаются журналистам. Они могут предложить и свои темы - если они не являются острыми и негативными, то они тоже принимаются.

*Редактор областной государственной газеты*

Последнее слово за руководством, которое всегда присутствует на планерках. При возникновении информационных поводов тема сюжета обсуждается с редактором, потом с коммерческим директором (не затрагивает ли интересы бизнеса, с которым у нас договорные отношения), и с руководством телеканала. Чтобы тему, предложенную журналистом, утвердили, нужно пройти все три этапа.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Решение принимается на планерках, последнее слово за редактором. Журналисты активно предлагают свои темы, их всегда берут. Учредители никогда не вмешиваются в редакционную политику.  
*Журналист регионального информационного агентства*

Журналисты активно предлагают свои темы, так же как и редактор.  
*Журналист областной газеты и сайта*

Все три варианта присутствуют. Редактор озвучивает определенные темы, которые считает нужным осветить. Но журналисты постоянно предлагают свои. Редактор может посоветовать и подкорректировать подход к теме, но обычно темы, заявленные журналистами, одобряются редактором.  
*Редактор регионального онлайн издания*

Я фрилансер и сам предлагаю темы. Если по какой-то причине мою тему не берут в одно СМИ, я предлагаю ее в другое.  
*Фрилансер региональных СМИ*

Все варианты существуют. Мы получаем задачи и темы от правительства: патриотическая тематика, положительный рассказ о деятельности членов правительства, деятельность губернатора и так далее. Все остальные темы обсуждаются на планерках, журналисты и редактор предлагают и обсуждают их. Последнее слово за главным редактором.  
*Журналист регионального онлайн СМИ*

Каждый из нас предлагает темы, мы их обсуждаем на планерке, решение принимаем коллегиально. Иногда мне, как редактору, приходится объяснять репортеру, почему мы не будем писать о чем-то сейчас: или я чувствую угрозу, или у нас попросту нет всех достоверных документов на руках.  
*Редактор частной городской газеты*

Журналисты нашего СМИ мониторят новости, сообщают редактору и обсуждают темы. Иногда редактор сам их предлагает. Последнее слово всегда за главным редактором, но он чаще соглашается с идеями, предложенными журналистами.  
*Журналист частного интернет-издания*

Все темы обсуждаются на планерках, но иногда руководство (а не редактор) говорит последнее слово и оно становится решающим.  
*Региональный журналист государственной телекомпании*

Мне иногда предлагают темы СМИ, с которыми я сотрудничаю. Если у

меня есть время, я пишу. Но это редко. Чаще всего я сам нахожу темы и предлагаю их разным независимым СМИ. Если кто-то отказывается, то обычно не потому, что боится или есть цензура, а просто тема кажется им не актуальной, не интересной, либо недавно у них уже вышла статья об этом. Тогда я просто обращаюсь в другое СМИ. Такого, чтобы никто не взял предложенную мной тему, никогда не было.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Учредитель нашего СМИ – правительство региона. У меня есть официальное госзадание, по которому мы должны освещать определенные темы (расселение аварийного жилья, 75-летие победы в войне, и тому подобное).

Да. У журналистов в нашей редакции есть свобода выбора. Если корреспонденту не нравится тема, он ее не возьмет. Последствий для журналиста не будет, тему возьмет кто-то другой.

В процентном соотношении сказать сложно. Зависит от темы. Если тема по госзаданию, то учредитель может диктовать свои акценты. Если нет, то чаще всего учредитель не вмешивается.

*Редактор регионального информационного сайта*

Обычно обсуждаем на планёрках или лично я принимаю решения. По спорным вопросам – чаще коллегиальный вариант.

*Журналист городской газеты*

Совещательно, при обсуждении коллективом журналистов. Иногда подключается руководитель проектов, иногда директор издательского дома. Но чаще всего принимаем решения без их участия. Еще чаще у нас журналист сам решает, о чем и как писать.

Бывают просьбы или советы со стороны директора / руководителя проектов и даже учредителя, но это не приказы. Иногда бывает, что их пожелания остаются неудовлетворенными, и ничего страшного после этого не бывает. Но эти просьбы составляют 3-5 процентов от нашего объема работы. Остальное – наш собственный выбор.

Иногда на планерках, но чаще на лету, в рабочем кабинете или в рабочем чате. У нас большая свобода в редакции самому определять тему, без обсуждения, то есть последнее слово чаще всего за журналистом. Я даже не припомню, чтобы какая-либо тема была зарублена сверху.

Редакционные решения на планерках или в чате – 10-15 процентов, просьбы руководства – 3-5 процентов, личное решение – 80-85 процентов.

*Редактор сетевого областного издания*

Есть определенный медиаплан, который ведут пресс-службы правительства, министерств, мэрии. Что-то из этого плана мы берем на свой сайт, посещаем мероприятия, в таком случае, нам говорят, какие темы мы должны осветить.

Последнее слово за редактором. Если меня не устраивает то, в каком виде выйдет после редактуры мой материал, я просто могу его не пу-

бликовать или предложить под псевдонимом опубликовать в другом СМИ.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Обсуждение тем и принятие решения происходят на редакционных планерках. Последнее слово за главным редактором. Он в СМИ отвечает за все. Но и я сам принимаю решение на основании своей журналистской позиции. Если моя позиция не совпадает с позицией редакции, я могу не писать материал.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



#### **Просили ли Вас когда-либо удалить или изменить опубликованные статьи? Кто? Что Вы/Ваш редактор сделали? Если не удалили, были ли какие-либо последствия?**

Не помню случая, чтобы кто-то требовал от меня удалить опубликованный материал. Была ситуация, в которой меня просили заменить конкретное официальное лицо на неназванный источник. Но поскольку официальное лицо не предупредило меня о том, что хочет фигурировать в материале как неназванный источник, ничего менять мы не стали. Я не помню, чтобы представители власти когда-либо пытались «подкорректировать» что-либо в моих материалах, даже если там содержалась критика. Мне кажется, в таких ситуациях сам журналист должен для себя решить – может он позволить, чтобы на него давили извне, или нет.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

Мне не приходилось удалять свои опубликованные тексты, но несколько раз редактор не согласовывал темы предложенных мною статей, поскольку они входили в разряд табуированных. В этих случаях я публиковал материалы в других изданиях и пабликах в соцсетях.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Просили. Областная администрация просила снять материал про губернатора региона. Материал сняли (иначе для собственника СМИ могли быть экономические и политические последствия) на неделю, а потом незаметно вернули на место.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Да, просили. Люди из правительства региона просили удалить материал с фактами о причастности руководства региона к коррупции. Мы проигнорировали просьбу. Никаких последствий не было.

*Редактор региональной партийной газеты*

Просили. Ответ редакции был негативным. Мы не удаляем публикации и оставляем право на ответ: обиженный человек может высказаться сам на страницах нашего издания – мы предоставим ему такую возможность, поскольку это требование закона о СМИ.

У нас чаще просят не писать о чем-то, а не удалять опубликованное. Но просьбы были встречены отказом. Последствия были печальные, несколько журналистов было похоронено. Иногда авторы получали угрозы. Домой журналисту могут прислать похоронный венок с его именем. Но мне никогда не угрожали. Я считаю, что гарантия безопасности – высказывание. Если ты что-то знаешь и тебя просят не писать об этом – пиши быстрее, и ты останешься жив.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Такие просьбы были. Материал не удалялся, но приходилось менять текст. Тут еще вопрос опыта журналиста. Опытный журналист государственного СМИ знает, какие моменты могут вызвать такую реакцию, и вынужден их избегать.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Крупные материалы – развернутое интервью, например, – мы обязательно согласовываем со спикером. Интервьюируемый вычитывает всю статью, если это интервью. Если это статья – он может прочитать весь материал, но внести правки имеет возможность только в свою цитату.

Бывали случаи, когда приходилось снимать уже заверстанную публикацию. Например, недавно мы сняли публикацию с руководителем приюта для бездомных животных. Основному спикеру, владельцу приюта, не понравилась статья, и материал не вышел. Он был не резонансный, и мы решили не выпускать его.

Иногда после публикации в газете чиновники просят разместить их комментарий. Я предлагаю сделать это на сайте – под статьёй, ранее опубликованной в газете, появляется врезка с комментарием мэра или губернатора. С сайта мы не удаляем информацию вообще – это запрещено.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Да, просили. Часто бывает, что текст не нравится герою публикации или он считает, что журналист его не так понял. Обычно я перед тем, как включить диктофон, я всегда предупреждаю, что записываю разговор и в случае, если у моего спикера будут вопросы (говорил он одно или другое), мы можем запись прослушать. Предупреждаю, что все, что он скажет, я могу использовать в публикации. Однако не все это понимают. Соглашаются, но после опубликования заметки могут звонить и ругаться, мол, не все было для записи и цитирования. Так, недавно я писал про ТСЖ (компанию, обслуживающую жилой дом) и задавал вопросы финансового характера. Представитель компании открыто назвала суммы под диктофон. Но позже она была удивлена, увидев озвученные цифры в статье. Она была крайне оскорблена. Оказалось, что она считала, что я задаю некоторые вопросы не как журналист, а как гражданин, несмотря на то, что это

официальное интервью и ведется аудиозапись. Редакция пошла навстречу человеку, и мы убрали эту часть текста, поскольку она была не принципиальна для нас. В печатном издании текст вышел полностью.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Такого от нашей редакции никогда не требовали. Были случаи, когда материал просили исправить. Но эти просьбы касались тех случаев, когда в материалах были фактические неточности, ошибки. Убрать какое-либо неудобное мнение из материалов нас никто не просил. А если бы такое случилось, мы бы ответили отказом.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Такие просьбы поступают (от чиновников и бизнеса), но мы всегда оцениваем свои риски. Насколько нам важно и критично настоять на своем? Или согласиться с просьбой, чтобы иметь возможность продолжать свою деятельность, чтобы наши читатели не перестали получать газету? В каждом случае решение принимается непосредственно с автором – насколько ему принципиальна та или иная фраза или абзац? Иногда мы что-то меняем и удаляем.

Важно, что мы не станем вводить читателя в заблуждение. Мы не будем публиковать фейки. Если есть какой-то спорный момент, который нам не принципиален, мы лучше удалим весь кусок текста с ним. Если удаление куска повлияет на весь сюжет, то мы добавим, что к нам обратились с опровержением конкретной фразы.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Такого у нас практически не бывает. У нас четкая перепроверка информации.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Конечно просили. Но у нас есть правило – мы ничего не удаляем. Если мы допустили ошибку, то делаем опровержение или продолжение темы.

Чаще всего просят снять или изменить текст местные чиновники. Мы не меняем. Никаких санкций в отношении редакции еще не было, просто на нас обижаются.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Постоянно просят. В 100 процентах случаев снимаем или переделываем. Вариант «не снять» даже не рассматривается. Считается, что у учредителя есть право вмешиваться.

*Редактор областной государственной газеты*

Несколько раз меня отстраняли от работы над какой-то темой. Но тут все зависит от личности руководителя. Однажды меня попросили переписать текст для снятого ранее материала, но я отказался. Эту

работу (переписать текст) попросили другого журналиста, который это сделал.

Иногда несогласованные видеосюжеты могут попасть на экран, но их не разрешат разместить на сайте.

Однажды журналиста, который ослушался запрета директора хоть что-то говорить по определенной тематике, и на собственной странице в соцсетях высказал личное мнение, отстранили от работы на две недели. Человек приходил на работу две недели, а ему не давали никакого задания. Потом вызвали в кабинет директора, выслушали извинения и добились согласия с позицией телекомпании не освещать данный вопрос. После этого человек смог вернуться к работе. Бывали случаи, когда готовый сюжет не выходил в региональный эфир, потому что за пару минут до эфира его не согласовала Москва.  
*Региональный журналист государственного телеканала*

Да, но такое происходит довольно редко. Это может быть связано с использованием имен преступников (из официальных пресс-релизов прокуратуры) – их просят убрать. Иногда чиновники просят удалить или изменить текст. Иногда учредитель просит удалить новость, если считает, что в ней присутствует реклама. В таком случае материал мы не удаляем, но убираем название фирм.

Однажды депутат областной Думы попал в список «Форбс», и мы об этом написали. И нас очень просили удалить материал, но он уже очень разошелся в интернете, и мы все оставили как есть. Никогда никаких санкций не последовало.

*Журналист регионального информационного агентства*

Конечно, просили, обычно чиновники или силовики. Однажды один из совладельцев газеты – владелец частного бизнеса – попросил убрать материал о компании-конкуренте. Редакторы сайта материал не убрали, но владельцы СМИ тоже имеют доступ к сайту – они сами убрали материал. Это был единственный подобный случай.

Редактор регулярно отказывает в изменении материалов (или их снятии), и никаких санкций не было. Ну не уволят же они редактора, кто работать-то будет? Толковых людей в этой сфере мало, никто в профессию идти не хочет.

*Журналист областной газеты и сайта*

Нас часто просят удалить материалы, в основном, представители бизнеса. Региональные чиновники или депутаты стали с такими просьбами обращаться гораздо реже, просто начали игнорировать негативные сообщения. Но бывает, что просят убрать или изменить тот или иной материал. Если в нем нет нашей ошибки, если он не противоречит законодательству, мы с материалом ничего не делаем. Однако всегда готовы предложить чиновникам или бизнесу опубликовать их точку зрения, но материал править не будем.

Однажды статью пришлось убрать по суду, суд решил, что мы были не правы. Но в остальном никаких проблем не случилось.

*Редактор регионального онлайн издания*

Не припомню, чтобы кто-то когда-то удалял мои статьи. Могут меняться части текста в связи с ошибками, допущенными журналистами. Крайне редко бывает, что местные политики, дав интервью и прочитав его, могут позвонить и попросить изменить часть текста, чтобы выглядеть лучше. С ними ссориться не хотят и, если это не принципиальный вопрос, исправляют.

*Фрилансер региональных СМИ*

Конечно. Обычно кто-то из правительства региона звонит и просит убрать или изменить текст. Это требование категоричное, оно не обсуждается, текст (или абзац) убирается. Если для нас это какой-то принципиальный вопрос, редактор может отстоять текст или его часть.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Просили, но в электронной версии, поскольку удалить из печатной невозможно – и в этом наша особенная уязвимость в отличие от коллег. Последнее, что мы удалили – анонс мероприятия в городской библиотеке, темой которого была «Однажды в Трансильвании, или Ночь с Дракулой». Поскольку уже после публикации материала в газете мы узнали, что коллектив православных верующих обещал отнести жалобу в прокуратуру на библиотекарей и их дьяволопоклонничество, мы пошли навстречу просьбе библиотекарей – мы давно дружим, и они умоляли нас «не дразнить гусей». Однажды госкорпорация, которая является нашим рекламодателем, намекала, что не стоит размещать позитивную новость об их конкуренте – мы сделали вид, что намеков не расслышали.

*Редактор частной городской газеты*

Да, конечно. Представители местного бизнеса, о проблемах которого мы пишем. Обычно эта тема обсуждается с редактором и стороны ищут компромиссы, но темы не удаляем никогда. Бизнес угрожает тем, что перестанет размещать рекламу, но пока этого не произошло.

*Журналист частного интернет-издания*

Да. В моем случае это были представители регионального правительства или силовики, которые звонили директору и просили поменять (смягчить) или не выдавать в новость эфир или на сайт (или задержать на несколько дней). Редактор поступает по-разному, в зависимости от ситуации. Часто редакторы идут навстречу таким просьбам.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Нет. Я давно стараюсь работать в независимых изданиях, поэтому в моей практике такого не случается.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Да, такое было. Если в статье по госзаданию, по мнению учредителя, неправильно были расставлены акценты, упомянуты не те люди, которые должны быть и так далее. Удаляем или меняем.

Были споры с учредителями про новости криминального характера. Например, о допросах чиновников. Новости не удалили. Последствия – неприятные разговоры с представителями учредителя, давление, но не более того.

*Редактор регионального информационного сайта*

Было давно – частные случаи. Один раз парень услышал в утренней передаче по ТВ про закон о забвении и написал мне, что не хочет, чтобы в какой-то давнишней статье моего авторства упоминалось его имя, дал ссылку на закон. Мы тогда заменили имя (или просто убрали его фамилию – не помню). Текст был не критический.

Был ещё похожий случай, когда осужденная женщина через много лет потребовала убрать её данные из материала. Насколько я знаю, редактор либо убрал их, либо удалил саму статью (за давностью лет).  
*Журналист городской газеты*

Такое периодически бывает. Герои критических публикаций просят, требуют и даже угрожают ради удаления, но, как правило, это бесполезно. Иногда это заканчивается судами, но я, к счастью, их до сих пор не проигрывал. Правда, бывают случаи, когда я добровольно иду навстречу и удаляю что-либо из текста или корректирую – когда информация может навредить человеку по работе, дискредитирует его или вызывает большой стресс. Но это, в основном, касается обычных людей – не злодеев, коррупционеров, зарвавшихся чиновников и бизнесменов.

Хотя был один случай, когда я согласился на удаление с сайта своего большого расследования в двух частях, который мешал продлению крупного рекламного контракта. Правда, с момента публикации прошло два года, текст давно прочитали все, кто этого хотел, и он мог понадобиться только тем, кто ищет информацию о компании и ее руководителях, которые были упомянуты в расследовании.

*Редактор сетевого областного издания*

Просили удалить и не раз, потому что иногда региональные темы выходят на федеральный уровень, и тут боятся все... Как правило, редактор оставляет публикацию. На себе лично я никаких последствий не ощутил, но определенный ярлык на мне уже есть не первый год.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Случалось такое в моей жизни. Один материал снял редактор – он был о чиновнице от образования, которая терроризировала директоров школ. Другой материал, о родственнике той самой чиновницы, она же сама и просила снять. Родственник-педагог оказался педофилом, и прокуратура требовала не просто уволить его, но и написать в документах, что он не имеет права работать с детьми. Чиновница не хотела портить документы родственнику. Мне звонили, сначала

просили, потом угрожали. А когда материал вышел, начались беспре-  
станные звонки в редакцию с оскорблениями.

Однажды редактор запретил ставить мое расследование о тотали-  
тарной секте. Но его заместитель поставил материал во время отсут-  
ствия редактора.

Во время моей работы главным редактором государственного хол-  
динга один материал просили изменить в пользу депутата правящей  
партии. Он, находясь за рулем своего автомобиля, врезался в маши-  
ну, в которой пострадала маленькая девочка. Она лишилась руки.  
Нам сообщили, что редакция была неправильно информирована и  
материал надо либо снять, либо изменить в пользу депутата. Мы сде-  
лали еще несколько звонков (информация подтвердилась) и дополни-  
ли материал новыми комментариями. И суть статьи это не поменяло.  
Она вышла. Это был материал другого журналиста из моей редакции.  
Последствий не было.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## **Что важнее: независимость журналистики или выживание вашего издания?**

К сожалению, похвастаться тем, что независимость журналистики  
ставится во главу угла, может очень небольшое количество изданий в  
России. Наверное, в моем издании принципы независимости старают-  
ся соблюдать (не всегда получается), но в рейтинге приоритетов они  
не на первом месте. Сегодня существование большинства СМИ пред-  
ставляет собой борьбу компромиссов.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

Для меня и большинства коллег по изданию важнее его независи-  
мость, но для редактора на первом плане стоит выживаемость СМИ.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Независимость журналистики. Я предпочту потерять контракт на ин-  
формационное обслуживание, но отстоять какой-то принципиальный  
вопрос.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Здесь очень тонкая грань. Без выживания издания не будет и незави-  
симой журналистики. Но свобода слова в приоритете.

*Редактор региональной партийной газеты*

Одно связано с другим. Нашу газету почти полностью финансируют  
читатели. Но между благополучием и независимостью мы выбираем  
независимость.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Выживание издания на очень слабом рынке СМИ в регионах.  
*Региональный журналист государственного СМИ*

Для журналиста важнее независимость, а для редактора – выживание издания. В этом есть конфликт, который позволяет искать новые формы взаимодействия и компромисса. Для меня сегодня главное, чтобы газета сохранила своё существование в регионе.  
*Региональный редактор федеральной газеты*

У нас такой вопрос не стоит. Наше издание — официальное издание органа власти. Мы официально зависимы, так как существуем на бюджетные деньги и выполняем муниципальное задание. Редактор — депутат горсовета, сторонник определенной партии, а так как решения принимает он, то о независимости речь не идет.  
*Журналист государственной муниципальной газеты*

Наше СМИ зависит от коммерческой рекламы. В основном бюджет компании формируется за счет этой статьи доходов. Около 10-15 процентов бюджета составляют контракты на информационное обслуживание с госструктурами (городское управление образования, городские органы опеки, горсовет и так далее – это контракты социального характера). При этом платные материалы идут под заставкой с пометкой «По заказу...». Если выходит платный сюжет о деятельности горсовета, то перед его показом будет стоять заставка «по заказу горсовета Северодвинска».

Тем не менее, наличие контракта с госструктурой не мешает нам сделать критический материал об этом заказчике. Но подобная ситуация – это скорее исключение для российских СМИ, чем правило.

Например, у нашей редакции есть контракт на информационное обслуживание деятельности депутатов горсовета. Первые лица города решили поднять себе зарплату на 28 процентов, и мы сделали материал о реакции жителей города на такое решение. Материал получился очень критическим, но никаких санкций не последовало. Контракт до сих пор действует, а депутаты все же подняли себе зарплату, но на 18 процентов.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Я не вижу противоречия в вопросе, но все зависит от уровня опасности. Если условие существования издания в том, чтобы публиковать только позитивные новости и официальные пресс-релизы, то в издании и в такой журналистике нет никакого смысла. Наши журналисты уйдут из такого издания. Глобальные прогибы невозможны в профессиональной журналистике, но компромиссы вполне возможны.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Для меня – независимость, но я понимаю людей, для которых журналистика – это очередная работа, за которую платят. Для журналиста, к сожалению, не всегда есть выбор. Особенно для молодых людей,

которые не очень еще разбираются в медиабизнесе. Есть издания, в которых я бы не стал работать.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Эти вещи связаны между собой. Если мы продолжим быть независимыми, нас будут продолжать читать. СМИ – это бизнес. Если мы делаем хорошие качественные новости оперативно, нас будут читать, у нас будет высокий трафик. Нашим рекламодателям это будет больше нравиться. Выживание СМИ напрямую зависит от твоей независимости.

Наш сайт не получает финансирование ни из регионального бюджета, ни из городского, хотя нам не раз предлагали. Это наша позиция.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Для людей важнее независимая журналистика, без нее невозможно здоровое общество. Но у нас нет такой задачи, нам не надо гнаться за подписчиками, лайками и тиражами. Все оплачивается из регионального бюджета. Наша задача – информировать население о деятельности правительства региона. Это не журналистика, это очень удобный и широкий термин «информирование населения».

*Редактор областной государственной газеты*

Для региональных директоров важнее выживание – важно, чтобы сюжеты были нейтральные, чтобы не сгущались краски. Тут дело даже не в «политике партии и правительства», а в личных страхах, лени и в собственных бизнес-интересах.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Независимость журналистики. Я не очень сильно боюсь потерять работу, уверен, что легко найду другое место работы.

*Журналист регионального информационного агентства*

Что такое независимая журналистика? Она не бывает независимой, она всегда зависит от финансов. Нужны деньги, реклама, или власть как учредитель. Независимых журналистов или СМИ не бывает. Разговоры про независимую журналистику – ерунда.

*Журналист областной газеты и сайта*

Выживаемость издания важнее. Это наш хлеб, у нас работают люди, у них семьи.

*Редактор регионального онлайн издания*

Вопрос сложный для любого издания. Независимая журналистика в пустоте существовать не может – она должна кормить себя. Любое СМИ зависит от источников своего дохода: читателей, рекламодателей. Поэтому вопрос непростой, но надо ориентироваться на стандарты независимой журналистики, а спасать себя (как журналиста или как СМИ) любой ценой нельзя. Иначе нас вытеснят блогеры за

ненадобностью – они-то пишут о реальных вещах и о том, что интересует общество.

*Фрилансер региональных СМИ*

В разные годы жизни я бы ответил на этот вопрос по-разному. Каждый решает этот вопрос для себя сам. Важно, чтобы издание продолжало существовать. Другой вопрос – выдержит ли каждый журналист ту тематику, которую приходится «отрабатывать», чтобы издание продолжало существовать? Если ты не можешь продолжать работать в такой ситуации, ты уходишь.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Выживание. Потому что нас никто не финансирует, никто не помогает никаким образом – ни с арендой офиса, ни с грантами. Мы сами должны кормить себя.

*Редактор частной городской газеты*

Независимость, для меня это однозначное решение.

*Журналист частного интернет-издания*

Я вообще не уверен, что журналистика бывает независимой. В моем регионе я не представляю независимую журналистику. Так вопрос не стоит. Так что важнее выживание издания.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Разумеется, независимость журналистики. В современном мире много возможностей создать новую платформу и издаваться на ней. Самый яркий пример, наверное, – это появление издания «Медуза», куда ушло большинство сотрудников издания «Лента.ру», после того, как уволили главного редактора. Когда издание перестает быть независимым, становится лояльным к власти и занимается пропагандой, оно, по сути, уже мертво.

Я не осуждаю тех людей, которые остаются в таких изданиях работать – всем нужны деньги, чтобы кормить семьи. Но если лично я могу зарабатывать как-то иначе, я буду зарабатывать иначе. Сейчас в моем регионе, к сожалению, нет независимых СМИ, которые могут позволить себе штатных журналистов, поэтому я фрилансер.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Независимость журналистики – очень призрачное понятие. В нашей стране СМИ принадлежат или правительству, или олигархам (корпорациям). Во втором случае все зависит от того, насколько олигарх оппозиционен, а это, в свою очередь, зависит чаще всего от его коммерческих интересов.

По-настоящему независимых СМИ мало, но в наше время утаить информацию очень сложно – есть интернет, соцсети, блоги. Мне кажется, СМИ, блогеры, общественники, оппозиционеры сейчас создали в России неплохую систему противовесов. Она работает.

Мы, несмотря на то, что правительственные, можем написать про многое. И про проблемы тоже: их подача, конечно, будет под опреде-

ленным ракурсом, с предоставлением слова властным и провластным структурам, в более спокойных тонах, чем пишут оппозиционные коллеги. Но эти темы будут на нашем сайте. Поэтому важнее всего в нашей работе - совесть и профессионализм.

У меня был момент, когда очередной пиарщик из правительства требовал поставить в статью о партии «Яблоко» слово «яблотины». Но я этого не сделал. Того пиарщика давно уволили, а я пока еще работаю.  
*Редактор регионального информационного сайта*

Сложный вопрос. Конечно, максимальная объективность и сбалансированность (я уже давно не верю в такое понятие, как независимость – в условиях нынешнего рынка это эфемерно) – во главе угла. Но, к сожалению, многие СМИ сегодня поставлены именно перед таким выбором – сохранить издание или чистую совесть.

*Журналист городской газеты*

Важно сохранять баланс и того, и другого. Но крен все-таки должен быть в сторону независимости.

*Редактор сетевого областного издания*

Независимость журналиста – бесценна, но в наши дни руководство и редактор делают все, чтобы издание выжило.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Важно и то, и другое. Ведь редакция – это еще источник заработка для многих людей. Всегда можно встать и выйти за дверь, не согласившись с политикой издания. У меня по этой части опыт богатый. Но у меня всегда был тыл – семья, где существовал еще один небольшой источник дохода. Хотя всегда такое было очень тяжело финансово. И не у всех журналистов есть тыл, а обрекать себя и детей на голод и нищету страшно.

Если сайт оппозиционный к власти, то это СМИ даже на рекламу не может рассчитывать, поскольку местный бизнес боится давать рекламу оппозиции. Получается, что журналисты работают, понимая, что денег за свою нелегкую работу не получают.

Сейчас я сотрудничаю с таким сайтом. Денег там нет, есть только крохотные пенсии, собственный компьютер и фотоаппарат. Помещения для редакции нет - не на что снять, работаем из дома. Но это тот путь в регионах, которые проходят независимые СМИ.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## Насколько Вы можете повлиять на то, какую работу выполнять? Можете ли Вы принять решение не делать определенный материал? Например, опорочить кого-то?

Я выше частично ответил. И да, я могу повлиять на то, какую работу я буду выполнять. Я могу не делать материал, обосновав такое решение для руководства. Если я окажусь перед выбором написать заказной материал с целью кого-то опорочить или уволиться, я приму второе решение. Но едва ли могу представить, что моя нынешняя редакция может поставить меня перед таким выбором. Впрочем, времена меняются.

*Региональный журналист государственного информационного агентства*

Нет, я не отношусь к тем журналистам в нашей редакции, которые не могут оказаться что-то делать. Как отмечено выше, я свободен в выборе тем и могу отказаться от тех, что противоречат моим убеждениям. Но такое положение в редакции, к сожалению, только у меня. Я сам выбираю свои темы и предлагаю их редактору.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Решение писать или не писать о чем-то принимаю только я. Много раз предлагали за деньги опорочить компании или людей – мы никогда не соглашались.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Да, я сам выбираю темы и могу отказаться делать материал.

*Редактор региональной партийной газеты*

Да, конечно, решение всегда только за мной. Можно аргументированно не выполнять задание.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Я могу категорически отказаться делать какой-то материал. Стоит отметить, что специфика государственных региональных СМИ в том, что задания «нарочно опорочить» практически невозможны, это нарушение закона «о клевете». В материалах, которые можно приблизительно отнести к порочащим репутацию, у нас всегда будут присутствовать две точки зрения. Но нам проще вообще не давать такой материал.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Да, вот тут есть принципиальная позиция: я не занимаюсь чёрным пиаром. Ни в каком виде. К счастью, мне это удаётся. Споры хозяй-

ствующих субъектов, политиков – это не наши темы.  
*Региональный редактор федеральной газеты*

Теоретически могу отказаться, но, как писал выше, не пробовал, так как понимаю, что могу снизить уровень накала страстей. Я ни разу еще не отказывался от выполнения задания, но уверен, что в случае отказа от редакции последует наказание. У нас бывают статьи, в которых нелицеприятно высказываются об определенных политиках или бизнесменах. В них также все основано на фактах. Однако журналист, который их пишет, интерпретирует факты по-своему. Я рад, что подобные темы дают не мне, так как не знаю, что будет, если я действительно откажусь. Скорее всего, потеряю работу.  
*Журналист государственной муниципальной газеты*

Я могу принять такое решение. Ситуаций, когда журналиста ломали, чтобы он сделал против своей роли сюжет, у нас не было.  
*Журналист региональной частной телекомпании*

Я не могу представить, чтобы наша редакция дала журналисту задание кого-то опорочить, или написать о ком-то или о чем-то с определенного, явно необъективного, ракурса. Журналист всегда может отказаться по разным причинам: не его тема, конфликт интересов. Например, человек, который замешан в коррупции, был моим другом детства. Я отказался делать про него материал, поскольку не хотел звонить и задавать ему соответствующие вопросы, и потом публиковать это – я не мог быть объективен. Если ты можешь обосновать отказ – тебе пойдут навстречу. В этом случае тема сама развалилась (человека обвинили в коррупции и посадили), там не было сюжета, иначе бы эту тему просто передали для разработки другому журналисту.

Один из наших журналистов является политическим активистом. Во время летних протестов в Москве редакция дала ему задание сделать репортажи о протестах. Он отказался из-за конфликта интересов – он поддерживал протесты. И все лето не писал в газету ничего. В результате задание просто поручили другому журналисту.  
*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Я запросто могу отказаться делать материал, и такое случалось. Но это не имело отношение к политике, а было связано с заказными рекламными статьями. Слишком «джинсово» было. Ко мне прислушиваются, я – профессионал, давно работаю.  
*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

От нас напрямую зависит, будем мы писать материал, или нет. Заказу-ху мы не пишем, это даже не обсуждается.  
*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Любой журналист в нашей редакции может отказаться от работы над определенным материалом. Им за это ничего не будет, потому что темы неострые и неинтересные. Просто тему отдадут другому коллеге.

*Редактор областной государственной газеты*

Я не могу повлиять на то, какую работу выполнять, но я могу категорически отказаться. Начальство будет крайне недовольно. Это может отразиться на сроках отпуска, премиальных поощрениях.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Да, абсолютно можем отказаться от работы над материалом. Нам предлагали работать в таком ключе, чтобы всех только критиковать, но мы не пошли на это.

*Журналист регионального информационного агентства*

Да, если журналист не хочет работать над какой-то темой, то он может не работать над ней.

*Журналист областной газеты и сайта*

Мы так не работаем. Нашему изданию не раз предлагали деньги за то, чтобы опорочить различных людей – такие материалы опорочили бы нас.

Журналисты могут отказаться от работы по какой-то теме. В этом случае редактор или поручит ее другому журналисту, или сам напишет материал.

*Редактор регионального онлайн издания*

Да, конечно. Основные темы предлагаю я, но никогда не соглашаюсь делать то, что не хочу.

*Фрилансер региональных СМИ*

Да, однозначно. В нашем издании каждый может отказаться от определенного сюжета. Но у нас есть журналисты, которые ни от чего не откажутся. Последствий из-за отказов для журналистов не припомню.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Я ни разу в жизни не делал материал с целью кого-то опорочить. Каждый из нас сам решает, какую работу выполнять. Мы отказываемся от материала в том случае, если не располагаем достаточным количеством данных, источников, документов.

*Редактор частной городской газеты*

У нас нет заказных материалов. Я отказываюсь от тем только по причине большой занятости, тогда ими занимаются коллеги.

*Журналист частного интернет-издания*

Я могу отказаться от материала, если его надо сделать в каком-то определенном заказном ракурсе. Его просто отдадут другому журналисту, который будет не против. Меня могут попробовать убедить, почему надо так сделать, но потом согласятся. Никаких последствий для меня пока не было.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

У меня был случай, когда учредитель издания, где я работал, настаивал на написании и публикации платных материалов в интересах определенных людей и компаний. Но я отказался.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Порочащие материалы порочат и учредителя. Думаю, в этом мы с моим начальством сходимся. Решения отказать в публикации я принимал, правда, это было достаточно давно. В последнее время подобных предложений не было.

*Редактор регионального информационного сайта*

Закон о СМИ позволяет журналисту отказаться от задания, если оно противоречит его убеждениям. Не помню, чтобы меня заставляли делать что-то против моей воли. Я всегда мог отказаться от темы/задания, если не считал возможным этим заниматься. Опорочить кого-то? Это смахивает на заказуху.

*Журналист городской газеты*

Да, в 80-85 процентах случаев я принимаю решение сам. Отказаться тоже могу. Проблем после этого не было.

*Редактор сетевого областного издания*

Да, лично я не делаю «чернуху» по заказу. И меня не могут заставить.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Я повлиять могу. И всегда так было. Я говорю: «Нет». И руководство понимает, что не заставить. Но не у всех такой характер. А теперь уж я очень давно главный редактор. Все решения за мной.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## Повлияли ли на Вас новые ограничения в законах, связанные с деятельностью журналистов? Если да, то как?

Наверное, на меня все же не очень повлияли, это вопрос, прежде всего, к редакторам.

*Региональный журналист государственного информационного агентства*

Новые ограничения повлияли только в части изменения редакционной политики – она стала более осторожной в критике власти и более жёсткой к источникам информации. Мы предпочитаем не публиковать материалы, которые могут быть истолкованы как оскорбление власти, ЛГБТ – закрытая для нас тема. Мы не будем рисковать и пересекать «двойную сплошную».

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Да, приходится крайне внимательно относиться к тому, что мы пишем, и выверять каждую фразу, чтобы не нарушить закон.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Да, повлияли. Я бы больше участвовал в совместных с иностранными изданиями проектах, если бы не рисковал стать иностранным агентом.

*Редактор региональной партийной газеты*

Да. Приходится осторожнее работать с темами ЛГБТ, с темами, связанными с обороной и национальной безопасностью, суицидов, наркотиков. Мы вынуждены прибегать к аккуратным или иногда смешным формулировкам.

Мы не можем написать «человек повесился» или «спрыгнул с крыши» – нам запрещено описывать способ суицида. Многие СМИ стали использовать фразу «человек совершил <Роскомнадзор>».

Нельзя написать «человек затынулся косяком или нагрел героин на ложке», потому что это описание употребления наркотиков.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Я на себе этого не ощущаю.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Мы отказались от ряда тем. А ещё мне пришлось распечатать «миллион» страниц с названиями запрещённых в России организаций. Мы о них не пишем, разумеется.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Не могу ответить, так как закон постоянно меняется. Я не помню, что изменили в последний раз, приходится постоянно учиться на семинарах у юристов.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Естественно, если мы хотим продолжать работать, мы должны соблюдать законы, подстраиваться под них. Закон о фейковых новостях вступил в силу незадолго до 1 апреля. В этот день мы перестали шутить, хотя юристы говорят, что закон шутить не запрещает. Но на всякий случай давать какую-то новость, как достоверную, а потом опровергать ее, говоря, что это была первоапрельская шутка, мы больше не будем. А проверяли информацию мы и до вступления в силу закона о «фейк-ньюс», так что в этом плане ничего не изменилось.

Есть оппозиционные лидеры, которые приходят к нам в студию и высказывают свое мнение, которое власти не нравится. Вот пример с мусорной реформой. Активист Олег Мандрыкин рассказывает про обязательную переработку мусора, которой нет в территориальной схеме обращения с отходами. Чиновникам это не нравится. Как за это можно привлечь телеканал? Я не вижу. Поскольку высказано именно мнение отдельного активиста, даже формат передачи называется «особое мнение». Мы даем ему право высказаться.

В прошлом году у меня в программе была гостья — юрист Ирина Федина. Она написала заявление в прокуратуру с просьбой проверить законность действий администрации Северодвинска при выборе площадки под межмуниципальный мусорный полигон в Рикасихе. В интервью она обмолвилась, что в этой ситуации глава города Игорь Скубенко якобы, как ей кажется, руководствуется какими-то сиюминутными интересами. И вот за это интервью на нас и на Ирину Федину подали два иска о защите чести, достоинства и деловой репутации. Суд мы выиграли, поскольку никакого оскорбления не было. Но это происходило еще до принятия закона о неуважении к власти.

У нас в редакции есть штатный юрист. Какие-то спорные материалы на этапе редактирования мы вместе с юристом смотрим и обсуждаем. Если есть сомнения, что мы можем нарушить закон, просто не используем определенные формулировки.

Цензуры в том плане, что выдаваемая информация может не понравиться властям, у нас нет. И даже не было попыток со стороны чиновников как-то вмешаться в редакционную работу. Есть работа над текстом, проверка написанного на соответствие действительности.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Да, возросла самоцензура. Мы перестраховываемся, сглаживаем углы, пытаемся обезопасить себя и избегать очевидных утверждений, даже когда у нас на руках все факты, например, относительно коррупционной деятельности чиновника. Мы используем слова «возможно», «скорее всего», «предположительно», «человек, имя которого совпадает с именем чиновника», «владельцем этого коттеджа является Иван Иванович Иванов – полный тезка чиновника»... Потому что, если дойдет до суда, будет неважно, есть ли у тебя доказательства коррупции чиновника - важно оскорбил ли этого чиновника материал.

Суд не будет рассматривать правдивость информации.  
*Редактор регионального офиса независимой газеты*

До сих пор не понял, повлияли ли. Иногда, чтобы избежать лишних проблем и оскорбленных чувств чиновников, приходится, указывая его имя, добавлять: «Иван Иванович Иванов, полный тезка такого-то министра». Одно ограничение – бан LinkedIn в России, – и мне стало гораздо сложнее искать контакты, которые в этой сети было легко использовать. Фейсбуком я не пользуюсь принципиально. Поиск информации в России стал затруднен из-за того, что по каким-то причинам многая информация была забанена Роскомнадзором. Хорошо, что хоть пока VPN бесплатный есть.  
*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Пока они не очень коснулись редакции. Мы пишем на чувствительные темы, но очень аккуратно.  
*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Да, повлияло. Я тщательнее слежу за комментариями. Наше издание настолько безобидное, что мы не сталкиваемся с новыми ограничениями.  
*Редактор областной государственной газеты*

На меня нет.  
*Региональный журналист государственного телеканала*

Не заметил такого влияния. Нужно быть предельно аккуратными с возрастными ограничениями и с фото, на которых есть курящие люди или алкоголь.  
*Журналист регионального информационного агентства*

Нет. Дело ведь даже не в Роскомнадзоре, а в воспитании журналиста. Если родители привили ему вежливость и уважение к чувствам других людей, то у него не должно быть проблем с Роскомнадзором.  
*Журналист областной газеты и сайта*

Очень сложно стало освещать митинги, особенно в плане видео. Лозунги и выкрикивания могут легко подвести СМИ под наказания за клевету, оскорбление власти, фейк-ньюс. Стараемся, чтобы в кадр не попало слово «президент».  
Сложно писать о разных темах, которые могут быть восприняты как разжигание розни. Сложнее стало писать о суицидах, использовать фото детей с различных мероприятий. Теперь мы публикуем их только с массовых и публичных мероприятий. В остальных случаях – только со спины, или так, чтобы ребенка было не узнать.  
*Редактор регионального онлайн издания*

Да, приходится применять более жесткие требования к работе с языком. Но я думаю, что во всем мире лексика СМИ становится более политкорректной, менее образной, менее фривольной. Иногда с новыми ограничениями «перебарщивают» и сильно раздражают. Практика некоторых ограничений, конечно, шокирует. Например, дикие штрафы за нацистскую символику, когда нельзя опубликовать исторические фото второй мировой войны, поскольку на них присутствует такая символика.

*Фрилансер региональных СМИ*

На мою деятельность влияет закон об авторском праве – нельзя взять любую музыку и фото из интернета. В остальном мы внутренне прекрасно понимаем, что можно, а что нельзя писать, как можно, а как нельзя писать. Человек, который идет работать в наше СМИ, прекрасно понимает, чье оно, как тут пишут, на какие темы мы будем писать, а какие никогда не заметим, кого можно критиковать, а кого нет. Мы с большой осторожностью пишем обо всем, что связано с православием.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Да, особенно в части требований Роскомнадзора. Мы тратим массу времени и сил на возрастные маркировки любой ерунды, на перепроверку разрешения родителей фотографировать детей, на то, нет ли в заметках намеков, которые РКН может счесть призывами к чему угодно (терроризму, экстремизму, наркомании)... Так, мы отказались участвовать в конкурсе заметок о пресечении экстремизма, потому что не поняли, за какую из наших фраз нас распнут. Мы тратим время и силы на овладение эзоповым языком вместо того, чтобы информировать людей и писать для них новости.

*Редактор частной городской газеты*

Да, конечно. Однажды человек покончил собой через саможжение. И тут способ выбора самоубийства был важен. Нам пришлось находить различные эвфемизмы, писать, например, что он пошел в сарай с бензином и сгорел. То есть мы пишем между строк, как бы намекая на то, что произошло на самом деле.

Также между строк мы описываем события, связанные с осквернением религиозных или государственных символов. Однажды было судебное заседание над человеком, оскорбившим первое лицо государства. Чтобы избежать штрафа, мы закавычили слово «дебилоид» и не написали, кого конкретно он так назвал.

*Журналист частного интернет-издания*

Никак не повлияли. У нас такие сильные внутренние ограничения в компании, что новые ограничения – это просто ерунда.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Пока никак не повлияли, ждем, надеемся что пронесет.  
*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Сложнее стало писать о ситуациях с детьми. Приходится внимательно отслеживать фото и видео на сцены курения. Пришлось отключить комментарии на сайте, потому что все модерировать очень сложно. Модерируем всей редакцией комментарии в соцсетях на экстремизм, оскорбления, порнографию и так далее.  
*Редактор регионального информационного сайта*

Пока вроде бы не было никаких прецедентов. Единственное, в голове держишь, с какими вещами стоит быть аккуратнее.  
*Журналист городской газеты*

Повлияли, мы чаще теперь перестраховываемся: не публикуем определенные фото, долго думаем над формулировками. Как в случае с законом об информации, информационных технологиях и о защите информации, в который введена статья про неуважение к власти.  
*Редактор сетевого областного издания*

Нет.  
*Журналист регионального интернет-СМИ*

Пока, к счастью, никак не повлияли. Но уверенности в том, что не повлияют и дальше, нет никакой. Все российские журналисты сегодня под дамокловым мечом этих законов.  
*Главный редактор информационного регионального агентства*



## **Вас (Ваше СМИ) когда-нибудь штрафовал Роскомнадзор? За что? Насколько большой была сумма штрафа?**

Думаю, мое СМИ он штрафовал и не раз. Насколько я знаю, штрафы были связаны с освещением суицидов, но думаю, это не единственный повод.  
*Региональный журналист государственного информационного агентства*

Роскомнадзор неоднократно выносил предупреждения нашему изданию "за злоупотребление свободой слова" и назначал штраф главному редактору (3 или 5 тысяч рублей). Это официальная формулировка. Однажды мы упомянули в тексте название организации, которая в России относится к экстремистским, а в тексте не было сноски на это.

Был случай, когда модератор не заметил мата в комментариях, и издание тоже было оштрафовано. Но если СМИ получает два предупреждения в год от Роскомнадзора, это может привести к отзыву регистрации СМИ.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Роскомнадзор штрафует нас регулярно. Причины: за мат, размещенный на видеоролике, который мы опубликовали; за отсутствие маркировки «знак информационной продукции»; за использование фотографий с изображением обнаженных людей – ведомство рассмотрело гениталии там, где их никто не видел. Штрафы от 5 000 до 30 000 рублей.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Да. За нарушение периодичности издания.

*Редактор региональной партийной газеты*

Да. Наше издание много раз штрафовалось, например, за отсутствие возрастной маркировки. Один из авторов нашей газеты был оштрафован на 100 000 рублей за то, что рядом с его именем не было написано, что он возглавляет организацию, признанную иностранным агентом.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Не знаю. Меня не штрафовали.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Да, наша газета – общественно-политическое издание, а значит, освобождается от постановки знака информационной продукции (возрастных ограничений). Но региональный Роскомнадзор посчитал, что у нас не общественно-политическое издание. В общем, главная претензия в том, что тот номер издания, который они выбрали для проверки, состоял из 12 полос, из которых семь – это телепрограмма. А значит, бытовой информации больше. И совершенно неважно, что в течение года были выпуски по 16 и по 20 полос. Меня оштрафовали на 1000 рублей.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Точно не знаю, но уведомления о нарушениях от РКН приходят регулярно. Недавно главреда вызывали в РКН из-за того, что афиша в газете «угрожает жизни и здоровью детей». Газета маркирована «для возраста 16+», в афише у описания каждого спектакля был указан возраст «для детей от 2 до 4 лет», «для детей от 4 до 6 лет». Но какая-то электронная система РКН усмотрела в этом опасность. Надо было поставить значок 0+ или 6+. Однако спектакли в эти возрастные рамки не попадали, там был указан конкретный возраст, поэтому ставить возрастные маркеры, прописанные в законе, было нелогично.

Однако РКН обязан реагировать на эту глупость. В общем, главред распорядился афишу больше не печатать, чтобы не получать штрафы. Хотя многие читатели ее ждут.

Иногда приходят уведомления о том, что мы описали способ самоубийства. Требуют удалить информацию. Я так понимаю, что эти материалы удаляют с сайта, хотя он у нас как СМИ не зарегистрирован.  
*Журналист государственной муниципальной газеты*

Таких штрафов не было.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Нас постоянно штрафует РКН. В основном за нецензурную лексику во внешних ссылках. Например, в статье есть гиперссылка на видео на youtube, а в видео может быть мат. Нас за это штрафуют. Последний штраф – 200 000 рублей. Для нас это существенная сумма, которая частично взыскивается с зарплаты редактора газеты, который это пропустил.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Мои статьи не разу не штрафовались. Но издание получило предупреждение за комментарий на сайте.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Мы пишем, но обходными путями, косвенно описываем произошедшее. К этому уже все приноровились.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Нет.

*Редактор областной государственной газеты*

Нет.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Нет.

*Журналист регионального информационного агентства*

Да, конечно. За авторские права на чужое фото.

*Журналист областной газеты и сайта*

Нет.

*Редактор регионального онлайн издания*

Нет.  
*Фрилансер региональных СМИ*

На моей памяти нет.  
*Журналист регионального онлайн СМИ*

Да, за отсутствие возрастной маркировки на афише городского мероприятия. За то, что не отправляли им электронные номера газет.  
*Редактор частной городской газеты*

Пока нет, пока только были предупреждения.  
*Журналист частного интернет-издания*

Не знаю, наверное, нет.  
*Региональный журналист государственной телекомпании*

В июне 2018 года Роскомнадзор оштрафовал издание «7x7-Горизонтальная Россия» на 800 тысяч рублей за рассуждения о наркотиках в одном из блогов. Но к тому времени я там уже не работал. Лично меня пока не штрафовали.  
*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Несколько лет назад оштрафовали за неверно указанное в документах доменное имя. Для регистрации сайта нужно было доменное имя второго уровня, а у нас – третьего уровня. Мы зарегистрировали домен второго уровня, но продолжали оставаться на своем, привычном для читателей. За расхождения документов и реальности Роскомнадзор подал в суд и выиграл. Штраф выписали на физлицо (в пределах 10 тысяч, насколько я помню).

Еще помню, оштрафовали за публикацию фотографии бутылки водки в газете. Тогда у нас в республике после длительного простоя вновь открылся ликеро-водочный завод. Штраф был небольшой, так как мы убедили РКН, что это событие общественно значимое и продукция ЛВЗ – бренд региона.

*Редактор регионального информационного сайта*

Из последнего - штраф редактору за отсутствие возрастной маркировки в афишах (любых сообщениях, которые можно приравнять к приглашению на общественное мероприятие).

*Журналист городской газеты*

Нас нет, но второй проект нашего издательского дома получал то ли предупреждение, то штраф от РКН за использование мата. Были попытки нас привлечь за распространение сведений о несовершеннолетних, ставших жертвами насилия, но мы получили разрешение

родителей и отбились. Предыдущую редакцию, где я работал, штрафовали за публикацию персональных данных покончившего с собой человека. Тысяч на пять, кажется.

*Редактор сетевого областного издания*

Штрафовал точно, суммы не назову, я этим не занимался, – за разглашение персональных данных о несовершеннолетних, которые совершили преступления.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Да, штрафовал. За чисто техническую оплошность верстальщика. Все было сто раз проверено, но на последней стадии верстки исчезла метка рекламы с крохотного рекламного модуля, а мы не заметили. Заплатили штраф в 10 тысяч рублей – огромный, на мой взгляд, для подобной ошибки. Но, тут против закона не пойдешь. Виноват – плати.

Только одно уточнение. Роскомнадзор был «заряжен» мэром нашего города на постоянное преследование наших СМИ. И в день выхода газет нашего холдинга Роскомнадзор кидался к ним с лупой и линейкой, и искал к чему прицепиться. Мы побывали во многих судах. Правда, штраф помню один. Обычно мы-таки доказывали свою невиновность.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## **Пишете ли Вы о суицидах и на другие, требующие деликатности темы, даже если эти слова не могут быть использованы? Если да, то как?**

Да, мы (и я в частности) пишем о суицидах. Для того, как именно об этом писать, в редакции разработаны жесткие инструкции, я сверяюсь с ними – не упоминаю способ самоубийства, жестокие подробности и прочее.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

После ужесточения российского законодательства суицид попал в разряд табуированных тем. Издание может дать новость о суициде, но в крайне завуалированной форме. Мы можем писать о том, что кто-то покончил собой, но никогда не упомянем способ самоубийства.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Да. Мы следуем рекомендациям Роскомнадзора. Мы не указываем способ и причину суицида, пытаемся писать между строк.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Такие темы мы поднимаем. Просто аккуратны в формулировках.  
*Редактор региональной партийной газеты*

Да, пишем. Мы придумываем формулировки, которые позволяют максимально достоверно передать суть новости, не нарушая закон. Я писал репортаж про гей-парад. Его «чистили» редакторы и юристы, чтобы не было деталей, которые бы могли быть расценены как пропаганда. Там не осталось фраз типа «люди целуются», «признаются друг другу в любви» - это делало репортаж более ярким, но эти фразы касались людей одного пола.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Да, сообщаем. Только в рамках криминальной хроники, когда это звучит из уст официальных лиц, судмедэкспертов или полицейских.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Нет, не пишем. Если только вскользь, в рамках другой темы. Причина – ограничения, любые слова могут быть интерпретированы как угодно. Мы предпочитаем не рисковать.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Да, пишем. Про суициды без смакования подробностей, например, так: «женщина выпала из окна, смерть не носит криминального характера». Писать про суицид можно, нельзя описывать способ самоубийства. Про несовершеннолетних пишем так, чтобы невозможно было установить их персональные данные. Если мы идем на открытие детского сада или в школьный лагерь, то можем взять комментарий у ребенка. Обычно такие съемки организует пресс-служба администрации региона или города и родителей предупреждают о них.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Мы не пишем подробно о суицидах, но даем официальную информацию от полиции, когда такое случается. Стараемся избегать в информации подробных деталей и описания способа совершения суицида.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Когда речь идет о суицидах или возможных экстремистских вопросах, материалы тщательно вычитывают наши профессиональные юристы. Самый яркий случай – в 2016 году было расследование, связанное с группой в соцсетях, где детей и подростков провоцировали совершить суицид. В результате расследования журналисты связали последние самоубийства именно с этой группой. Мы понимали, что на следующей неделе по условиям игры этой группы планируется еще один массовый суицид. Мы понимали, что если напишем о том, что происходит, нам надо будет нарушить все ограничения РКН в этом вопросе. Мы знали, что можем потерять газету. И пошли на риск, считая его оправданным, если этим нам удастся спасти хотя бы одного

подростка. В материале были описаны способы суицида и все подробности – в этом была суть материала. Мы подготовили дисклеймер, где объяснили, что идем на осознанный риск, но иначе поступить не можем. У материала было огромное количество просмотров. Против администраторов группы в ВК были возбуждены уголовные дела. К нашей газете претензий не было с точки зрения закона.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Эти темы не входят в мою специализацию. Эти ограничения – не проблема издания, это проблема редактора.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Мы пишем, но обходными путями, косвенно описываем произошедшее. К этому уже все приноровились.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Нет, этого нет в нашем госзадании.

*Редактор областной государственной газеты*

Такие темы у нас относятся к запрещенным.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Пишем, но крайне аккуратно, никогда не рассказывая о методах самоубийства. Иногда новость просто не проходит, потому что непонятно, как описать самоубийство завуалированно. На это уходит очень много времени. Советуемся с юристами.

Мы теряем многое в фоторепортажах, потому что не публикуем фото с детьми на митингах.

*Журналист регионального информационного агентства*

Пишем. Мне сложно ответить на этот вопрос, так как тема не моя.

*Журналист областной газеты и сайта*

Да, но не употребляем само слово «суицид», не описываем способ самоубийства. Учимся писать между строк. Мы не можем написать «человек спрыгнул с моста». Мы пишем «Спасатели нашли труп девушки под мостом». Мы не можем говорить «спрыгнул с крыши», мы пишем «упал с крыши».

*Редактор регионального онлайн издания*

Тема суицидов очень актуальна, особенно для севера – здесь серьезная проблема суицида, особенно подросткового. Но тема не совсем моя, я не сталкивался с этим.

*Фрилансер региональных СМИ*

Пишем, но очень осторожно. Мы используем и подбираем аккуратные фразы, эта тема – тонкий лед, тут все проговаривается и вычитывается, тратится много времени, журналист и редактор иногда вместе ищут формулировки.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Мы никогда не пишем и не писали о суицидах, поскольку не считаем эту информацию новостной – это выбор конкретного человека и писать тут не о чем. С крайней осторожностью пишем об изнасилованиях и педофилии. Перепроверяем каждое слово, ищем метафоры и аналогии – русский язык огромен! Часто пользуемся официальными сообщениями со ссылкой на следственный комитет или полицию.

*Редактор частной городской газеты*

Да, мы описываем косвенно то, что случилось. Например, девушка покончила жизнь самоубийством, наглотавшись снотворного. Пришлось написать, что нашли тело девушки, а рядом лежало много таблеток.

Мы уже привыкли писать, что человек не выбрасывается из окна, а «падает с большой высоты». Мы не можем описывать способы самоубийства, но можем сообщать, что это было самоубийство, сказав, что была оставлена записка, или ведется следствие и так далее.

Вопросы религии и межнациональной розни – еще одна крайне деликатная тема. Однажды я писал материал о человеке, который в соцсетях опубликовал рассказ о планах мусульман на уничтожение русских. Он был оштрафован за разжигание межнациональной розни. И на меня тоже завели административное дело за то же самое, поскольку я процитировал несколько предложений из его рассказа, которые показались мне самыми безобидными. При второй попытке написать о чем-то подобном на меня заведут уже уголовное дело об экстремизме.

*Журналист частного интернет-издания*

Да, мы такие темы освещаем. Мы сначала долго обсуждали в редакции, как аккуратнее подавать такие новости.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Нет, на деликатные темы пока писать не приходилось, но не исключая, что придется.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Пишем, если это общественно значимое событие, а не бытовуха. Не указываем способ самоубийства, всячески изоциряемся.

*Редактор регионального информационного сайта*

На самом деле здесь все на совести/смелости журналиста и редакто-

ра. Нельзя молчать о каких-то опасных, резонансных вещах, если это важно для общества, как, например, было в случае с «Синим китом». Если речь идет о суициде, стараешься придать статье жизнеутверждающий формат: выход есть (что-нибудь в таком духе), не ставить громкие слова про самоубийство в заголовок, дать какие-то рекомендации, пояснения, не описывать схему ухода из жизни.

Однажды, еще до всяких требований Роскомнадзора, я встретился со специалистом и поговорил про подростковые суициды (что толкает на это, как окружающим распознать сигналы, что делать и так далее). И когда материал уже был сдан в печать, стало известно, что из окна самого высокого дома города выпрыгнула школьница. Я связался с ее мамой, она на удивление не отказалась дать комментарий. Получился материал-разъяснение по следам событий (не конкретно этой ситуации, а вообще).

*Журналист городской газеты*

Про суицид иногда пишем, когда тема бывает резонансной и социально значимой не в силу самого самоубийства, а причины, которая подтолкнула к этому. Когда, скажем, человек покончил собой, попав в кабалу к строительной фирме, которая продавала квартиры не в рублях, а в у.е., привязанных к валюте. Естественно, при этом не пишем про способ совершения самоубийства.

*Редактор сетевого областного издания*

Пишем, называем вещи своими именами – самоубийство, суицид. Знаю, что нельзя расписывать способ убийства, чтобы не предоставить инструкцию для других. Но если человек выпал из окна или бросился под поезд, то так и пишем

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Пишем. И очень деликатно. Сухие информации, рекомендации специалистов для родственников (как распознать, как остановить). Не смакуя и не провоцируя.

*Главный редактор информационного регионального агентства*

10

**Вы модерировали комментарии на веб-сайте и в социальных СМИ? В течение какого времени? Модерировали ли комментарии к статьям, опубликованным в прошлые годы?**

Я не имею доступа к модерированию комментариев.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

Все комментарии на сайте издания проходят модерацию дежурным редактором в режиме реального времени. Комментарии, содержащие нецензурную брань, разжигающие ненависть или содержащие обвинения в преступлениях, удаляются. Политической цензуры в комментариях нет.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Модерируем, но только для соблюдения законодательства (чтобы не было мата и призывов к разжиганию национальной розни). Причем мы модерируем все комментарии за все годы. Но только на сайте.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Сайта у нас нет, мы модерируем комментарии в соцсетях, чтобы не было призывов к экстремизму и тому подобного.

*Редактор региональной партийной газеты*

Да. У нас есть модератор, который постоянно в сети. В его выходной день или во время отпуска мы вынуждены отключать комментарии, поскольку редакция несет за них ответственность. Удаляются провокационные комментарии, содержащие ненормативную лексику, экстремистские высказывания и так далее.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Да, у нас специальный интернет-отдел.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Наш сайт расположен на домене федерального издания, поэтому модерацией занимаются в Москве. Но, разумеется, занимаются.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Мы стараемся отвечать на комментарии, если в них есть вопросы или читатель требует пояснения. Удаляем только оскорбления, высказывания, разжигающие ненависть и вражду, и тому подобное. У нас сейчас некому в целом этим заниматься. Свои тексты и комментарии к ним я отслеживаю лично.

Статьи, написанные в прошлые годы, не модерируем. На сайте у нас вообще нет комментариев.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

В нашей группе «ВКонтакте» установлен фильтр на нецензурные слова, выражения, которые могут написать в комментариях. Если люди пишут заведомо оскорбительные, непристойные комментарии в отношении героев публикации, то мы их убираем.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Нет. Раньше модерировали в обязательном порядке. Комментарии проходили премодерацию. Но сейчас в принципе комментарии отключены полностью. Это очень легкий способ поймать нас и выставить серьезный штраф. В соцсетях комментарии не контролируются, так как сети не являются СМИ, согласно российскому закону.  
*Редактор регионального офиса независимой газеты*

На региональном сайте у нас нет комментариев, а в соцсетях мы их не модерлируем.  
*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Да, модерлируем. Статьи за прошлые годы мы не модерлируем, но, видимо, зря.  
*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Да, модерлируем. Удаляем оскорбления людей или чиновников, фото детей.  
*Редактор областной государственной газеты*

Я не знаю.  
*Региональный журналист государственного телеканала*

Раньше модерировали, но сейчас комментарии закрыли. Это связано только с техническими причинами. Когда модерировали, то удаляли лишь мат и откровенные оскорбления человека, о котором написана статья.  
*Журналист регионального информационного агентства*

У нас на сайте нет комментариев – некому модерировать.  
*Журналист областной газеты и сайта*

Комментарии модерруются после их публикации. Но мы за ними следим очень пристально.  
*Редактор регионального онлайн издания*

Я этого не делаю.  
*Фрилансер региональных СМИ*

Да, модерлируем, но не очень жестко. Но мы не следим за каждым комментарием.  
*Журналист регионального онлайн СМИ*

Да, отслеживаем постоянно, убираем нецензурную лексику и оскор-

бления.

*Редактор частной городской газеты*

Да, у нас есть отдельный человек, который модерировал комментарии на сайте, чтобы не было мата. В соцсетях есть фильтры на мат и спам.

*Журналист частного интернет-издания*

Да, есть небольшая модерация, чтобы убрать нецензурную брань.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Я модерировал комментарии на сайте «7x7-Горизонтальная Россия» три года назад. Нужно было следить за соблюдением российского законодательства, убирать призывы к вражде, разжигание ненависти, ненормативную лексику и оскорбительные высказывания. У нас не было того, что можно назвать цензурой по политическим соображениям.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Пришлось отключить комментарии на сайте, потому что все модерировать очень сложно. Модерируем всей редакцией комментарии в соцсетях.

*Редактор регионального информационного сайта*

Записи (иногда и старые) просматриваем и если видим что-то спорное, за что могут забанить группу, можем удалить. На сайте раньше была премодерация комментариев, потом заниматься этим стало некому – функцию просто отключили. В предыдущем СМИ мы также чистили в группе оскорбляющие комментарии и те, что содержали ненормативную лексику. Пользователи воспринимают это негативно – как цензуру. Хотя в правилах группы об этом сказано (но кто их смотрит?). В нынешней группе это касается больше каких-то вопиющих случаев.

Некоторые СМИ считают, что «срач» в комментариях (с оскорбительными словами и так далее) удалять не надо, иначе у ресурса будет меньше читателей. Может, оно и так, но законов никто не отменял. И если где-нибудь в комментарии человека (или бота) проскочит, например, что-нибудь экстремистское, даже в стародавних текстах, - пострадает сам ресурс и его владелец. Вот почему на определенные слова в группе стоит фильтр, к тому же при прямых трансляциях тех же митингов, например, мы оперативно отслеживаем комментарии.

*Журналист городской газеты*

На сайтах нашего издательства мы несколько лет назад приняли решение отключить комментарии, чтобы избежать неприятных ситуаций из-за них. В группах в соцсетях иногда удаляем комментарии. Последний раз я это делал при попытке разжигания национальной розни, когда министра здравоохранения региона, якута по националь-

ности, у нас в комментариях называли «чуркой косоглазой». Отсматриваем только комментарии под свежими постами – что пишут под постами недельной давности и старше уже никто смотрит.  
*Редактор сетевого областного издания*

Сейчас на нашем сайте нет возможности оставлять комментарии, в основном, все дискуссии происходят в соцсетях. И если там есть оскорбления, нецензурная лексика, мы просто их удаляем.  
*Журналист регионального интернет-СМИ*

Модерируем. Иначе, можно попасть под нарушение закона. Следим, чтобы не было оскорблений: нецензурщины, незаконных призывов, разжигания различной розни.  
*Главный редактор информационного регионального агентства*



### **Вы освещаете уличные акции протеста? Если да, то как Вы делаете это? Есть ли опасность, что вас обвинят в том, что вы призываете к протестным акциям?**

Да, мы освещаем массовые акции протеста, присутствуем лично, запрашиваем официальную информацию, пишем о задержаниях. Об опасности никогда не думал. Может быть потому, что я пишу об этих акциях стандартные новости, описывая факты.  
*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

Да, наше издание освещает практически все протестные акции в новостном и репортажном формате, без призывов принять в них участие.  
*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Да, освещаем. Эта опасность существует, но мы никогда не призываем к протестным акциям и аккуратно вычитываем свой текст перед публикацией. Мы сообщаем факт, новость: была акция/проходит акция.  
*Редактор частного регионального информационного агентства*

Да, освещаем, описываем лишь факты. Используем много визуального материала.  
*Редактор региональной партийной газеты*

Да, безусловно освещаем. Я не вижу в этом опасности, поскольку мы всегда стараемся писать об этом максимально честно и объективно.  
*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Освещаем - просто информируем о таких акциях, но без комментариев журналиста.  
*Региональный журналист государственного СМИ*

Иногда да. Если мне кажется это интересным. Я всегда прошу местные власти прокомментировать ситуацию. И никогда не призываю к протестным акциям – это не моя задача. Мне кажется важным показать, почему люди вышли на улицу. Северяне очень инертны, пока их что-то не доведёт до точки кипения, они будут сидеть дома на диване. Но иногда бывает, что выходят на одиночные пикеты.  
*Региональный редактор федеральной газеты*

Не освещаем. Редактор нашей газеты не считает эту тему интересной.  
*Журналист государственной муниципальной газеты*

Мы освещаем все акции протеста, которые происходят в регионе. Мы не призываем в них участвовать, просто о них информируем – и о согласованных и о не согласованных с властями.  
*Журналист региональной частной телекомпании*

Да, освещаем. Информация об акции подается в виде обычной новости, не используются призывы в ней участвовать. Здесь вообще проблем нет.  
*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Да, освещаем. И журналисту или фрилансеру дают журналистское удостоверение и редакционное задание, чтобы его случайно не задержали. О митингах делаем новостные статьи и фото с лозунгами, но сами заметки ни к чему не призывают.  
*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Освещаем акции и понимаем, что есть такая опасность. На всех митингах мы работаем в режиме онлайн. Освещаем максимально полно, с прямыми включениями. Мы даем возможность высказаться активистам и представителям власти, но власть не очень любит комментировать такие вещи.  
*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Стараемся этого не делать. Нашему редактору и руководству проще не заметить уличный протест, чем написать и попытаться отстаивать каждую фразу, фото, заголовок.

Например, однажды городской праздник «совпал» по времени и месту проведения с акцией протеста. У нашего СМИ было задание написать про праздник, который из-за митинга был практически сорван – он длился всего 20 минут. Тысячи людей вышли на несогласованный митинг (все федеральные СМИ об этом написали), а наша редакция подготовила целую полосу о празднике и совершенно не заметила митинга. Статья про праздник была снята в последний момент, поскольку он фактически не состоялся.

*Редактор областной государственной газеты*

Эта тема под запретом. Только «позитивные» шествия, демонстрации, праздники.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Да, даже ставим анонсы будущего митинга (пишем, что, где и когда), берем комментарии у организаторов. Присутствуем на акциях, делаем фоторепортажи с протестов, ведем онлайн-трансляцию. Опасность такая есть, иногда работающих журналистов тоже пытаются задержать на митингах и пикетах. У нас есть удостоверения журналистов, но обычно нет редакционных заданий и специальных жилетов «пресса».

*Журналист регионального информационного агентства*

Да, идем на акцию и делаем репортаж. Ходим на все митинги. Не вижу особой опасности - мы ни к чему не призываем, только сообщаем новость.

*Журналист областной газеты и сайта*

Если мы о митинге сообщаем заранее, то не будем упоминать, где и когда он состоится. Но о митингах и протестах мы, конечно, пишем.

*Редактор регионального онлайн издания*

Конечно. Я не думаю, что тут могут быть какие-то последствия. Обычно я подчеркиваю вынужденный характер протестных акций – это сложно «пришить» к агитации. Не вижу в принципе опасности. Есть понимание необходимости подчеркнуть нарушение закона властями при несогласовании акций протеста. Для несогласования мероприятия должна быть экстренная причина, а у нас это происходит по любому поводу, например, в это время устраиваются фальшивые городские праздники. Должны быть места, где протесты должны проводиться в любом случае.

*Фрилансер региональных СМИ*

Скорее нет, чем да. Во-первых, их почти нет, даже единичных пикетов. Мы можем туда пойти, но чтобы написать об акции, нужно показать не только мнение протестующих, но и мнение чиновников. После того, как ты все это сделаешь, возьмешь комментарии, напишешь текст,

чиновники решат, что лучше такое не ставить, и либо запретят публиковать, либо снимут уже опубликованный текст. Все понимают, чем все закончится, и поэтому не пишут.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Да, освещаем – пишем репортажи с места события. Пишем просто цитаты: кто и что говорит на митинге, даем подборку фото. Опасность в том, что нас обвинят, безусловно, есть. Мы живем в состоянии страха годами.

*Редактор частной городской газеты*

Да. Мы приходим на митинги, делаем стримы, репортажи. Если акция не согласована, то мы не можем писать, где и во сколько она состоится, но можем вести оттуда репортаж. Однако если журналисты приходят освещать несанкционированные акции протеста, их тоже задерживают и составляют протоколы за участие в митингах. Случается, что приходится проводить ночь в отделении полиции и получать штрафы в 30 000 рублей. На суде не работают ни журналистские удостоверения, ни редакционные задания – суд не считает это доказательством того, что журналист был на мероприятии по работе.

*Журналист частного интернет-издания*

Да, но очень редко и не все. Тут будет обсуждение с редактором по каждому конкретному случаю. Журналисты готовы освещать каждую акцию, но не всегда получают на это согласие. Крайне редко освещаем оппозиционные митинги.

Опасность такая есть. Но у нас общие требования: не снимаем крупно плакаты. Снимаем лица участников, подача будет максимально нейтральная. Будет официальная информация о том, сколько было человек и какие общие требования.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Да, освещаю. Часто пишу о митингах и пикетах. Это делается в жанре репортажа с цитированием выступающих. Иногда они требуют отставки Путина, но это в рамках закона. Я не стал бы цитировать того, кто призывает к ненависти и вражде и к насильственным действиям, но у нас народ к митингам, обычно, готовится, и выступающие держатся в рамках законодательства.

Призывы к насильственным действиям на Шиесе были, там говорилось о том, что мирный протест себя не оправдывает. Но это исходило от известного всем региональным журналистам и активистам провокатора.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Иногда освещаем уличные акции. Чисто информационно, без аналитики и призывов.

*Редактор регионального информационного сайта*

Да. Как обычные журналисты, не несем с собой плакаты, не кричим лозунги. Мы – работники пера, доносим до общества информацию, рассказываем о том, чем недовольны люди, не призываем идти на баррикады. Мы фиксируем происходящее, не выступая на стороне тех или иных, хотя наша личная позиция и может быть обозначена – явно в личной беседе или косвенно в материале.

*Журналист городской газеты*

Освещаем, если это действительно протестные акции, а не голый пиар парламентских партий. Сообщаем, где и когда проходят акции, причины их проведения и требования участников, примерное количество пришедших, что они делают и говорят во время акции, какие плакаты держат в руках, как реагирует полиция, проводят ли задержания. Опасности, что нас обвинят в призывах к проведению акций, не ощущаю – это информирование. На моей памяти никаких последствий за это ни разу не было.

*Редактор сетевого областного издания*

Очень осторожно редактор разрешает освещать протестные акции. Всегда продумывается, как это сделать. И сначала журналист осматривается на митинге, пикете, оценивает ситуацию и думает, как напишет. И какой еще комментарий возьмет дополнительно.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Освещаем. При нас всегда удостоверения и бейджи. Стараемся быть объективными. И пишем, и снимаем фото и видео. Обязательно берем комментарии и проводим опросы. В опросах, правда, народ участвовать отказывается по большей части. Боятся, что их могут привлечь. Нас тоже могут обвинить. Всегда можно найти, за что арестовать или оштрафовать журналиста.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## 12. Пишете ли Вы о ЛГБТ? Если нет, почему?

Я никогда не писал на темы, связанные с сексуальными меньшинствами – не хочу, мне неприятны по-человечески эти темы. Может быть, я не знаю до конца, насколько серьезны эти проблемы в России, и не знаю, как об этом писать в принципе. Я не очень понимаю внимание некоторых СМИ к гей-парадам, акциям ЛГБТ. Думаю, если речь пойдет о конкретных историях, в которых нарушаются права человека, я напишу об этом как о человеке и его правах. Хотя не уверен, что это опубликуют в моем СМИ.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

Из-за ужесточения федерального законодательства о так называемой «гей-пропаганде», в нашем СМИ почти нет публикаций об ЛГБТ – для нас это «табу».

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Да, пишем.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Нет. Не считаем эту тему актуальной для нашего региона. Кроме того, федеральная редакция нашей газеты не пропустит такой материал.

*Редактор региональной партийной газеты*

Пишем.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Не помню таких репортажей в нашем СМИ. Не думаю, что это острый вопрос для нашей области. Возможно, ЛГБТ-сообщество не дает серьезного информационного повода, чтобы о них рассказать.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Нет. Это однозначно не тема моей читательской аудитории, возраст которой 50+, в основном, ветераны и пенсионеры со своей идеологией и со своими взглядами. Несколько лет назад в одном из материалов о демонстрации 1 Мая вскользь было упомянуто, что в шествии приняли участие представители ЛГБТ-сообщества. Без фото, просто как перечисление. Нас завалили недовольными звонками от читателей с вопросами «Зачем вы про них пишете?».

*Региональный редактор федеральной газеты*

Не пишем, потому что эта тема не близка нашему изданию. Наша аудитория – люди 45 лет и старше, и они осуждают темы, связанные с ЛГБТ-сообществом. Кроме того, главный редактор крайне нетолерантно относится к этой тематике.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Мы не освещаем тему ЛГБТ потому, что в Северодвинске ничего не происходило, не было ни одной акции. Если такое мероприятие будет организовано, то мы будем советоваться с нашим юристом о том, как его осветить, чтобы не нарушить закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Постоянно пишем. Аудитория нашей газеты и ее политика очень связана с правозащитой. Права ЛГБТ – одни из самых уязвимых в России, и мы эту тему поднимаем. Нельзя сказать, что в нашей стра-

не эта тема находит понимание среди всех читателей, она массовую аудиторию интересует меньше всего. Это связано с особенностями менталитета.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Я не пишу, но редакция публикует такие материалы. Мне эта тема неинтересна. Я об этом не пишу не потому, что чего-то опасаясь, а потому, что не вижу здесь интересной темы. Гей или гетеросексуал – это никак не характеризует самого человека.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Да, пишем, но в этой теме ненасыщенная повестка. Мы писали про проблемы у организации ЛГБТ-активистов, больше каких-то тем по этому вопросу не было. Пару лет назад мне юристы посоветовали не публиковать текст о девушке, которая готовилась к операции по смене пола. Было очень обидно, но в тексте нашли много моментов, которые могли бы счесть за пропаганду.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Нет, потому что эта тема не входит в госзадание

*Редактор областной государственной газеты*

Нет, ни одного сюжета за десятилетия моей работы. Делается вид, что этой темы нет, что есть более важная повестка дня.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Редко, потому что не о чем. Как-то писали про женщину, которая собиралась делать операцию по смене пола. Статья была про ее сложности с документами и фото в паспорте. Никаких у нас проблем не было. Больше особенных тем в этой сфере не припомню, нет инфоповодов.

*Журналист регионального информационного агентства*

Нет. «Чем меньше говно трогаешь, тем меньше оно воняет»: любое упоминание о них – пропаганда. Они все сошли с ума.

*Журналист областной газеты и сайта*

Раньше писали. Но перестали, потому что можно легко попасть под санкции закона о пропаганде нетрадиционных отношений, а кроме того, к этим новостям крайне негативно относятся наши читатели.

*Редактор регионального онлайн издания*

Иногда пишу, но редко. Сами ЛГБТ-организации не очень готовы сотрудничать со СМИ. Закон о пропаганде СМИ сильно сдерживает развитие журналистики, которая связана с темой гендера. Об этом

надо писать и говорить больше, как и о сексуальном воспитании.  
*Фрилансер региональных СМИ*

Мы можем, но почему-то никто не пишет и не предлагает об этом написать. О людях, которые выходят с плакатами на улицы, мы писать не станем. Если будет какая-то тема, интервью с человеком – это будет опубликовано, тут запретов нет.  
*Журналист регионального онлайн СМИ*

Нет, потому что у нас не было информационных поводов  
*Редактор частной городской газеты*

Однажды в местной ЛГБТ-организации проходил обыск, было заведено дело о пропаганде ЛГБТ, поскольку внутри НКО висел плакат, где целуются три пары: два мальчика, две девочки, мальчик и девочка. И внизу под всеми поцелуями было написано «ОК». Я писал об этом деле, но не мог иллюстрировать статью фотографией этого плаката, иначе бы нас тоже оштрафовали за пропаганду. Мне пришлось словами описывать плакат.  
*Журналист частного интернет-издания*

Нет. Точно не знаю почему, наверное, это не совсем в повестке нашей телекомпании. Считается, что наш зритель не интересуется проблемами ЛГБТ-сообществ.  
*Региональный журналист государственной телекомпании*

Да, пишу. Обычно об акциях, которые они проводят или об их выступлениях в рамках каких-либо проектов.  
*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Пишем только если есть реальные инфоповоды. Например, недавно написали, что гей-активист пожаловался в Европейский суд на запрет проведения ЛГБТ-пикета в одном из городов нашего региона.  
*Редактор регионального информационного сайта*

Когда-то давно был такой материал (не помню, был ли он напечатан – возможно, редактор не пропустил, он не разделял таких взглядов). В последнее время – нет. Один раз была попытка написать об этом, но потом стало понятно, что придется как-то лавировать в связи с законом о пропаганде ЛГБТ. Журналист от темы отказался.  
*Журналист городской газеты*

Пишем, когда бывают такие темы. Например, про попытки провести какую-нибудь публичную акцию и запреты властей на ее проведение.  
*Редактор сетевого областного издания*

Нет, об ЛГБТ не пишем, как-то не было случая, не было героев. Но это не запрещенная тема.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Отношусь к этим людям спокойно, толерантно. Но не пишу на эту тему, так как считаю эти феномены проявлением болезни человека. А писать об этом, как о болезни – тут можно нарваться на обиду этих несчастных людей.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



### **Используете ли Вы анонимные источники информации и как защищаете их?**

Я аккуратно использую анонимные источники и только если я абсолютно им доверяю, понимаю причины, по которым они хотят остаться анонимным. Не помню, чтобы мне приходилось их защищать, скорее себя и свое доверие этим источникам.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

Наше издание пользуется информацией от проверенных источников на условиях их анонимности, но ответственность за эти сведения полностью берет на себя журналист. Как журналист я гарантирую своему источнику анонимность и возьму на себя всю ответственность в случае даже судебных разбирательств.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Да, используем и никогда не расскажем, откуда получили информацию.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Часто используем. Не помню, чтобы кто-то когда-то попросил «слить» источник.

*Редактор региональной партийной газеты*

Да, согласно закону о СМИ, мы имеем право не раскрывать свои источники, если нас не обяжет открыть имя решение суда. Источники – это святое для нас.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Использую как повод заняться темой. Но если мы не найдем какой-то комментарий по теме, на которую навел анонимный источник, мы не выдадим материал в эфир.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Да. Я никогда не называю источники информации, даже если этого требуют спецслужбы или военные. Такие прецеденты были. В этом вопросе я принципиален, всегда говорю: встретимся в суде. Правда, пока ещё никто по этому поводу в суд не вызывал.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Массово не используем, лишь в каких-то особых случаях. Когда я занимался журналистскими расследованиями, то использовал. Особо никак не защищал. Кроме меня, с ними никто не общался. Только я знал, кто это.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Да, используем. В нашей практике не было судебного решения, которое обязало бы редакцию раскрыть источник информации. Как правило, мы просим официальные источники прокомментировать информацию от анонимного источника. Далее выдаем в эфир.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Да, используем постоянно. Главным условием контакта с источником – обеспечение анонимности. Я не помню, чтобы хоть раз такой источник был нашими журналистами раскрыт. Но здесь редакция тоже несет риски – у источников могут быть свои задачи, когда он готов «слить» информацию, а журналист не всегда может это просчитать. Важно, что мы никогда не платим за подобную информацию. Мы отказываемся от работы с такими анонимными источниками – они просто могут быть провокаторами.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Регулярно использую анонимные источники, но никогда их не выдавал. У меня даже ни разу о них не спрашивали. По закону о СМИ только суд может обязать открыть источники. Такого еще не было.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Используем и просто не разглашаем. С нами никто не судился за разглашение источников.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Нет

*Редактор областной государственной газеты*

Нет. В них нет смысла, поскольку сюжеты и темы, подсказанные источниками, никогда не выйдут в эфир.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Используем. Иногда чиновники пытаются спрашивать, откуда мы узнали о том или ином, но мы никогда не отвечаем. Иногда сразу получаем голословное обвинение, что раз источник не называете, что это фейк-ньюс. Но через суд еще никто источники раскрыть не пытался.  
*Журналист регионального информационного агентства*

Нет.  
*Журналист областной газеты и сайта*

Да, используем, но всегда тщательно проверяем их информацию. Никто не разу не просил у нас раскрыть данные источников.  
*Редактор регионального онлайн издания*

Бывает. Но ни разу не было такого, чтобы у меня требовали открыть источник.  
*Фрилансер региональных СМИ*

Да, иногда это бывает проблемой. И очень часто у нас интересуются, «кто вам это сказал», «откуда знаете», но еще никогда и никто источники не раскрывал. В суд не тащили, но очень давят иногда, чтобы мы рассказали, кто источник.  
*Журналист регионального онлайн СМИ*

Используем, но перепроверяем и не ссылаемся напрямую. Защищаем как и положено по закону – не имеем права их выдавать. Мы и не выдаем. Но нас особенно никто и не спрашивает.  
*Редактор частной городской газеты*

Да, перепроверив информацию. Еще никто не просил назвать наши источники, иначе мы отправили бы интересующихся в суд.  
*Журналист частного интернет-издания*

Не припомню такого, наверное, нет.  
*Региональный журналист государственной телекомпании*

Использую только если информация очень важная и вероятность ее достоверности велика. Источники я не раскрываю.  
*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Конечно, постоянно. Пишем, «как сообщил наш источник». Не сдаем наши источники.  
*Редактор регионального информационного сайта*

Да, бывает. Как защищаем? Не разглашаем. Работаем на тех условиях, на которых договаривались. Каких-то вопиющих случаев, чтобы приходилось говорить через подставной телефон или играть в маски-шоу, не было.

*Журналист городской газеты*

Используем, если информация представляет общественный интерес и подтверждается хотя бы косвенно. Для защиты не называем источники и стараемся подать информацию так, чтобы их нельзя было идентифицировать.

*Редактор сетевого областного издания*

Да, часто используем анонимные источники. По закону о СМИ мы можем даже в суде не выдавать свой источник.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Используем. И источники не выдаем.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## **Как вы освещаете новость, если кто-то оскорбляет власть? Как Вы сами избегаете риска быть обвиненным в оскорблении?**

Такие новости освещаются, если возбуждается уголовное дело. Мы можем сослаться на тех, кто дело возбудил и/ или на правозащитников – в каждом случае мы используем две стороны. Я помню несколько примеров, когда я писал о делах об оскорблении власти, они выходили на нашем ресурсе.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

Если речь идёт о прямом оскорблении или обвинении в преступлении, но новость имеет социальную значимость, то даём ее без прямых цитат. Например, «известный лидер оппозиции крайне негативно высказался о президенте страны». Но не скажем, как именно высказался. Лично я стараюсь оперировать либо фактами, либо художественными образами. Например, «это мне напоминает известный анекдот, или комедийный фильм, или сюжет такой-то книги», которые известны всем россиянам.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Мы пишем о факте, что это произошло. Но у нас в регионе такого пока не было, так что мы еще об этом не писали.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Мы очень аккуратны в формулировках. Если кто-то заявил, например, «Это бестолковая власть», мы можем использовать эту фразу как прямую цитату, обязательно упомянув, кто это заявил.

*Редактор региональной партийной газеты*

Я не буду цитировать дословно, буду использовать описательный характер. Такие тесты проверяют юристы перед публикацией.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

На государственном СМИ стараются не педалировать такие темы. Не уверен, что подобное стало бы темой какого-либо из наших материалов.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Нужно просто быть вежливым. Мне кажется, это неуважение к самому себе, если ты будешь писать в газете оскорбления, пусть и устами своего героя. Журналист всегда должен уметь выбирать слова. В конце концов, на мой взгляд, сама ситуация, ее мельчайшие подробности, должна быть «оскорбительна» для власти. Для этого не требуется употреблять, например, обценную лексику.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Поскольку наша газета – официальная городская (и финансируется из бюджета города), мы, наоборот, объясняем, почему городские власти поступили так, а не иначе, особенно если их кто-то критикует.

Мы не оскорбляем власть. В случае, когда речь идет о высоких чиновниках, кабинетной борьбе, редакция действует очень осторожно, перестраховывается – лучше не напишем о чем-то, чем спровоцируем штраф на редакцию.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Обычные люди не защищены от штрафов, а СМИ — тем более. Меня лично этот закон приводит, конечно, к самоцензуре. Приходится подбирать слова, чтобы никто не оскорблялся.

С помощью этого закона пытаются надавить на экологов, выступающих против строительства мусорного полигона в Архангельской области. Заведено несколько административных дел за комментарии, в том числе есть дело за фразу «Они совсем оборзели». Юристы говорят, что закон сырой, с очень расплывчатыми понятиями. Я общался на эту тему с известным московским медиаюристом Федором Кравченко. Он говорит, что пока невозможно понять, к примеру, кто будет экспертом в подобных делах. Вот «они оборзели» — это оскорбление? Один филолог скажет, что да, а другой возразит, что это

просторечное выражение. Четкая грань не проведена, и это вызывает вопросы и опасения. Когда сидит чиновник у меня в студии и я его критикую, то говорю: «недальновидный подход». Он может обидеться и оскорбиться. На чью сторону встанет в этом случае закон с размытыми формулировками, сейчас не вполне ясно.

Мне довольно часто пишут в соцсетях: «Вы постоянно критикуете власть, губернатора». Есть такая категория людей, которая считает, что неприлично критиковать кого-либо — они вообще могут по любому поводу оскорбиться.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Критерии оскорбления власти очень размыты. Есть общие понятия, что, например, нельзя топтать государственный флаг, или пинать герб — оскорблять государственные символы. Но иногда небольшие чиновники приравнивают себя к «государственным символам» и суды встают на сторону чиновников, а не журналистов.

Если новость о том, что кто-то оскорбил власть, имеет общественное значение, мы об этом напишем. Мы не опубликуем фото с оскорбительными для власти фразами, но можем цитировать людей, произносящих оскорбительные высказывания.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Новости такие мы пишем, просто даем речь и высказывания, которые могут показаться оскорбительными, ставя их в кавычки.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Это очень сложно. Если идет акция протеста, на которой полно лозунгов, оскорбительных для представителей региональных и федеральных властей, то мы делаем общее фото протеста, чтобы плакат занимал не более 15-20 места процентов места, а не на все фото. Чтобы это не было трактовано как мнение редакции.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Мы эти новости не замечаем.

*Редактор областной государственной газеты*

В эфире в принципе не бывает сюжетов с оскорблениями власти. У нашего СМИ договоры на информационное обслуживание со всеми властными структурами.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Мы пишем о судах, если заводят дело на человека, который каким-то образом оскорбил власть. Если акции протеста — все лозунги пишем в кавычках, публикуем фото с лозунгами. Пока к нашему СМИ претензий не было.

*Журналист регионального информационного агентства*

Наверное, будем писать просто новость, так, как пишем про митинги. У нас пока такого не было.

*Журналист областной газеты и сайта*

Если новость будет общественно значимой и резонансной, то мы найдем способ написать об этом без всяких рисков.

*Редактор регионального онлайн издания*

Что значит оскорбление власти? Я не помню, чтобы у нас в регионе кто-то оскорблял власть. Не могу говорить абстрактно.

*Фрилансер региональных СМИ*

Мы не будем об этом писать.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Честно говоря, на городском уровне у нас такого пока не было. Наверное, взяли бы комментарии у власти. Стараемся быть ответственными и профессиональными. Стараемся не писать на эту тему ничего, кроме сухих новостей – ни аналитики, ни эссе.

*Редактор частной городской газеты*

Если дело не дошло до суда, или дошло, и суд признал, что было оскорбление, мы частично будем цитировать содержание оскорбления. Например, «Они совсем оборзели! Полное незнание законов или, что хуже, - полное беззаконие! Неужели в городе нет ни одного порядочного полицейского и судьи? Это что, репрессии 37-го года? Что заставляет этих людей превращаться в подонков», - написал человек в комментарии в одной из групп в социальных сетях. Суд признал это оскорблением власти. Мы тогда привели только часть цитаты: «Они совсем оборзели! Полное незнание законов или, что хуже, - полное беззаконие!», а остальную часть перефразировали.

Или, например, человека судили за комментарий с оскорблением власти «Депутаты – кучка идиотов». Мы написали, что человек неодобрительно высказался в адрес депутатов. Но это не было признано оскорблением, поэтому позже мы могли привести цитату полностью.

*Журналист частного интернет-издания*

Мы либо не будем в принципе освещать такие темы, либо будет выбран максимально нейтральный аспект новости.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Я всегда стараюсь действовать в рамках закона. Так же, я писал об этом выше, обычно стараются делать люди на митингах, чтобы не подставлять организаторов и не дискредитировать акцию. Если кто-то говорит: «Во власти засели идиоты (негодяи, враги России)!\», я могу дать такую цитату, особенно, если человек будет говорить ка-

кие-то предметные вещи, обосновывать свое мнение. Но если кто-то говорит: «Вася Пупкин – идиот, негодяй, враг России!», то это уже оскорбление или даже может быть сочтено клеветой. Если про главу региона говорят, что он не справился с определенными проблемами и ничего не сделал для республики и обвиняют его в некомпетентности, такое я включаю в репортаж.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Пишем без оценок, только информацию. Всегда со ссылкой на источник, спикера, документы.

*Редактор регионального информационного сайта*

Если и приводится такое сообщение, то не прямая речь – лишь общий смысл и со ссылкой на того, кому высказывание принадлежит.

*Журналист городской газеты*

После ужесточения законодательства в части оскорбления власти у нас не было явных случаев оскорбления, которые были бы достойны упоминания. Была только расклейка плакатов с Путиным и ироничными подписями («мем смешной, ситуация страшная», «никому ничего не должен», «говорить нельзя молчать», «Крым мой», «запрещаю ...ть», «2000-2024 можем повторить»), которую органы могли при большом желании попытаться интерпретировать как оскорбление президента. Мы перестраховались, удалив из материала фотографию одного плаката – про Крым. А в своих текстах, естественно, прямых оскорблений не допускаем.

*Редактор сетевого областного издания*

Просто не пишем об этом либо выбираем выражения без оскорблений.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Если все по делу и соответствует действительности, но индивид использовал ненормативную лексику, то можем дать интерпретацию заявления, а не цитату. Сами стараемся основываться на реальных фактах и документах, подтверждающих то, о чем мы пишем. И пытаемся при этом быть объективными. Используем прямую речь тех, о ком пишем, и комментарии официальных лиц.

*Главный редактор информационного регионального агентства*

15

## Как Вы думаете, возможно ли профессионально выполнять работу журналиста в рамках ограничений, которые сейчас действуют в России? Если да, то как?

Мне кажется, если ты не веришь в то, что можешь профессионально выполнять свою работу, нужно уходить из профессии. Действительно, есть ряд ограничений, на которые приходится оглядываться, с которыми приходится считаться. На работу крупных СМИ очень часто влияют политические силы, экономические сложности. Вопрос выживаемости очень часто связан с лояльностью к власти. Остаться профессионалом можно, если ты понимаешь, что не нарушаешь своих внутренних принципов – не врешь, не искажаешь факты, не подстраиваешься, можешь отказаться от того, что этим принципам противоречит. Сегодня журналистам нужно снова учиться писать между строк – навык, который был хорошо освоен предыдущими поколениями журналистов в нашей стране.

*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

На мой взгляд, профессиональная, независимая журналистика в условиях нынешнего российского законодательства и в рамках регионального СМИ практически невозможна. Альтернативой сложившейся ситуации являются паблики в соцсетях и журналистские блоги.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Да. Нужно просто делать свою работу. Ограничения появляются, а задача журналистов и редакторов находить новые форматы, обороты, фразы. Это просто гораздо сложнее. Запретных тем нет, есть вопрос – как об этом написать.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Мы стараемся выполнять свою работу профессионально. Возможностей для маневра все меньше и меньше. Иногда приходится заниматься написанием между строк, игрой слов. Последний пример: разгон полицией мирного протеста в Шиесе под заголовком «Мусор не пройдет». Мусор на российском слэнге означает «полицейский».

*Редактор региональной партийной газеты*

Да, можно. Мы это делаем более 20 лет. Мы соблюдаем закон о СМИ, нормы журналистской этики и требования, которые к нам предъявляет профессия. Если органы власти считают, что мы слишком много себе позволяем, то мы с ними судимся.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Возможно. Многое зависит от тематики, над которой работает жур-

налист, его умения писать «эзоповым языком» и неумения редактора читать между строк.

Можно подобрать мнения людей в сюжете таким образом, что зритель и читатель может сам додумает то, что не сказал журналист. Есть такой жанр – портреты людей, которые сами очень яркие и высказывают свое мнение так, что больше ничего журналисту говорить не надо. Есть говорящие даты - 1937, 1941, 1945, 1991, 1993 – все прекрасно знают, что происходило в эти годы, больше ничего добавлять не нужно.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Конечно. Важно работать в интересах своих читателей: помогать людям бороться с несправедливостью, писать интересные репортажи и задавать неудобные вопросы чиновникам. И уважать, в первую очередь, себя и своих читателей.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Возможно. Но надо быть очень подкованным в законах, уметь выражать свою мысль полутонами.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Думаю, что возможно. Как? Для меня показателен пример радио «Эхо Москвы» и телеканала «Дождь».

*Журналист региональной частной телекомпании*

Можно, при ряде условий: команда и защита. Если ты журналист маленькой муниципальной газеты – у тебя практически никакой защиты нет. Если реакция на твой материал негативная – журналист ничего не сможет этому противопоставить. Если ты журналист федеральной редакции в Москве, то уровень защиты другой. Но и риски коллосальные – иногда таких журналистов убивают.

СМИ в России перестали быть бизнесом. Это либо общественная нагрузка, либо желание продвигать собственную повестку. Чем дальше от Москвы, тем сложнее представить независимые медиа, где владелец не вмешивается в журналистскую политику. Здесь нет буфера между журналистами-редакторами и городскими или областными чиновниками или крупными компаниями.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Пока можно. Пространство сужается, действовать стало сложнее, приходится работать с «оглядкой» и задумываться о том, какими аккуратными словами описать ту или иную новость.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Если СМИ существует на государственные деньги, то это практически невозможно. Ты можешь рассказывать истории о людях, но писать что-то объективное или критическое о власти, о жизни в городе и

регионе, делать расследования, невозможно.

Год назад в одном из регионов нашей страны молодой человек взорвал себя внутри здания ФСБ. Ряд журналистов из разных частей страны были обвинены в оправдании терроризма из-за публикации своих материалов, где они попытались порассуждать или подискутировать о причинах, которые могли подвигнуть молодого человека на такой шаг. Кроме того, СМИ, которые написали о самой трагедии, столкнулись с такими же проблемами, если вовремя не убрали комментарии, поддерживающие поступок молодого человека.

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Вполне можно, но не в государственных СМИ. Дело не в ограничениях, а в других мерах воздействия на журналиста, которые не описаны в законах: угроза увольнения, давление на родственников (можно организовать излишнее внимание контролирующих структур к сфере деятельности родственников), уменьшение зарплаты.

*Редактор областной государственной газеты*

Нет, невозможно, особенно в региональных государственных СМИ. Журналисты готовы работать профессионально, как в 90-е годы, но им не позволяется. Не нравится – значит, ты компании не подходишь, можешь искать другое место.

Я считаю себя настоящим журналистом, который делает профессиональные сюжеты и репортажи, работаю глубоко и честно, смотреть их интересно. Но я берусь только за определенные, разрешенные темы.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Можно. Иногда из-за этих ограничений мы тратим много времени на формулировки и аккуратные фразы, чтобы не получить штрафы, но в целом пишем на любые темы.

*Журналист регионального информационного агентства*

Не понял вопроса. Не вижу никаких препятствий для деятельности журналистов в России.

*Журналист областной газеты и сайта*

Уверен, что можно. Главное, помнить правила и не нарушать закон. Всегда есть способ, лазейка, которая позволит найти нужные слова и крылатые выражения, которые позволят написать материал на самые сложные темы. Журналисты и редакторы, которые боятся писать на деликатные темы, просто ленивы и непрофессиональны. Либо у них нет времени найти безопасные способы изложения информации.

*Редактор регионального онлайн издания*

Это очень трудно. Далеко не все ограничения являются разумными. Проблема в том, что выполнять работу профессионально возможно, но результата этой работы не видно. Журналисты и их работа пе-

рестали влиять на ситуацию. Они не получают никаких реакций от властей, их просто не замечают. Власть закрылась и очень далека от народа.

Сложилась ситуация, при которой журналисту работать трудно, а еще и бессмысленно.

*Фрилансер региональных СМИ*

Я думаю, что это всегда можно делать. Если у тебя есть издание, в котором ты можешь публиковать материалы, чувствуя себя свободно в выборе тем и спикеров, то да. Таких площадок осталось очень немного, но они есть.

Даже в нашем издании очень серьезные и проблемные темы, профессионально сделанные, периодически удается опубликовать. Здесь нет большой внутренней свободы, но, чтобы оставаться журналистом, есть много других тем, на которые ты можешь писать. Кроме политики и митингов - с этим надо идти в другое СМИ.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Практически невозможно. Нужно либо жить и работать где-то за ее пределами, либо как мы, в медвежьем углу, который никому особенно неинтересен. Мы выбрали очень узкую нишу для себя, освещаем события в крошечном городке, и поэтому наша местечковая смешная и презираемая всеми журналистика как-то держится. Но в целом смысла в этой профессии в этот исторический отрезок времени я не вижу.

*Редактор частной городской газеты*

Да, только надо быть предельно осторожным. Сейчас журналистика в России в такой ситуации, когда можно быть оштрафованным за все что угодно.

*Журналист частного интернет-издания*

Для себя лично я не вижу такой возможности. Я не знаю ни одного независимого издания в нашем регионе, где бы журналисты были объективны в своих материалах. Везде есть свои центры влияния: правительство регионов или городов, интересы бизнеса, оппозиционные интересы, при которых новости подаются тоже в определенном ключе. Журналисты становятся заложниками ситуации, им приходится подстраиваться под политику своего издания.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Пока еще возможно, хотя зарабатывать сложно и риски велики. Например, моего родственника вызывали на разговор сотрудники ФСБ, чтобы мне передать, что причиной вызова стало то, что я пишу для разных изданий о строительстве полигона на Шиесе. Мой родственник тогда на разговор не согласился, так как официальной повестки от ФСБ не было. Мне также передали информацию, что у ФСБ я на особом контроле и они следят за моей журналистской деятельно-

стью. Это немного напрягает, конечно. Но это не значит, что я перестану писать на темы, которые считаю важными.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Иногда сложно. Но можно. Правда, риски всегда остаются. Как? Нужно правильно работать с источниками. Проверять информацию. Доверять только документам. И не говорить, что чье-то частное мнение или слух есть факт.

*Редактор регионального информационного сайта*

Ограничений в деятельности сегодня много, но журналист всегда должен стремиться работать профессионально. Искать варианты, как подать важную для общества информацию без вреда для своего СМИ. Впрочем, получаться это может не всегда. Знаю, что некоторые СМИ (а уж блогеры и подавно) пишут все, что угодно, на свой страх и риск, пока не пришли санкции. Правда, это скорее не к профессионализму относится, потому что информация не всегда соответствует действительности.

*Журналист городской газеты*

Да, вполне можно. Чаще журналисты или учредители включают самоцензуру. Есть некоторые ограничения, как с детьми, ставшими жертвами насилия, с оскорблением власти, с различными, защищенными законом, тайнами, с отказами в предоставлении информации, а чаще в ответах, которые ее все равно скрывают. Но все равно можно работать профессионально при соответствующем желании.

*Редактор сетевого областного издания*

Возможно, если очень тщательно изучить законы, уметь ими пользоваться и работать в оппозиционном СМИ, не государственном.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Можно, но очень сложно. Потому как весь аппарат власти давно заточен под пиар, и журналистов не выносит на дух. Только придворные, прикормленные СМИ считаются качественной правдивой прессой. Остальных именуют врагами и стараются не идти с ними на контакт. Нашему агентству пресс-секретарь губернатора недавно заявил, что не считает, что губернатор должен давать нам интервью, потому что мы «желтая пресса» относительно трех тем: мусорной реформы, власти и Шиеса (место, расчищенное под полигон для московского мусора, против которого уже год протестует и область, и страна). Журналистов просто поделили на своих и врагов.

*Главный редактор информационного регионального агентства*

# 16

## Меняется ли что-то к лучшему в Вашей работе? Если да, то что?

Не знаю, изменений к лучшему не замечаю. Я разочаровываюсь в профессии все больше и серьезно задумываюсь о том, чтобы сменить род деятельности.

*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

Нет. К сожалению, изменений к лучшему не замечаю  
*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Все хорошо.  
*Редактор частного регионального информационного агентства*

Если что-то и меняется к лучшему, так это технические аспекты: научно-технический прогресс, быстрый интернет, современные гаджеты и так далее.

*Редактор региональной партийной газеты*

Да. Мы вынуждены повышать свою юридическую квалификацию и быть максимально профессиональными в использовании слов.  
*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

К лучшему меняется то, что с годами накапливается опыт. Не могу сказать, что становится интереснее работать, поскольку рамки в работе журналиста очень жесткие.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Тут важно понимать, с чем сравнивать и за какой период. Работать стало сложнее, ограничений больше. СМИ все труднее защищать свои бюджеты и планировать коммерческую деятельность. Помните, как у Льюиса Кэрролла, «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!».

*Региональный редактор федеральной газеты*

Все изменятся к худшему. Моя работа сегодня и 10 лет назад — две разные вещи. В связи с последними изменениями я не могу быть уверен, что из-за очередной поездки по проекту «Баренц Пресс» меня, как физическое лицо, не признают иностранным агентом.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Развитие интернета помогает в работе, бодрит.  
*Журналист региональной частной телекомпании*

Да, меняется. Такие ограничения мотивируют нас развиваться в пока еще доступном интернете во всех доступных форматах: соцсети, мес-сенджеры и различные платформы. Это мотивирует искать новые формы привлечения аудитории и форматы подачи информации.  
*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Наверное. Становится больше источников и сюжетов.  
*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Мое издание расширяется. Мы не государственное СМИ, и мы, скорее, исключение из правил. Мы можем существовать как СМИ, и это уже хорошая новость.  
*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Нет.  
*Редактор областной государственной газеты*

В плане журналистики улучшения нет. 60 процентов нашей работы – заказные материалы от чиновников и предприятий. Порадовали студенты-журналисты, которые отказались проходить практику в нашем СМИ из-за неосвещения им основных горячих тем жизни региона.  
*Региональный журналист государственного телеканала*

Да, технические моменты. Проще стало добывать информацию, больше возможностей для ее проверки. Не надо часами висеть на телефоне, интернет решает много проблем. Появилась возможность работать с разными форматами.  
*Журналист регионального информационного агентства*

Благодаря техническому прогрессу стало можно работать в любое удобное время суток, можно общаться с источниками по Скайпу и так далее.  
*Журналист областной газеты и сайта*

Наше СМИ развивается, у нас все больше читателей, растет доверие к нам.  
*Редактор регионального онлайн издания*

Очень печальный вопрос. Я улучшений не вижу, скатываемся в какое-то дно. Если раньше был формат общения власти с журналистами, что важно для политической журналистики, то сегодня такого фор-

мата нет. Толком ничего несанкционированного у губернатора спросить нельзя. Власть построила стену и не общается с журналистами, которые могут задавать «не те» вопросы.

*Фрилансер региональных СМИ*

Не сказал бы, что что-то меняется к лучшему. Закручивание гаек и усиленный контроль потихонечку продолжается, поводок становится все короче. Оглядываясь назад на то, что ты писал лет пять-семь назад, понимаешь, как сильно изменились времена.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Ничего, за исключением технического прогресса – собирать информацию, находить источники иногда можно быстрее, чем раньше.

*Редактор частной городской газеты*

Нет.

*Журналист частного интернет-издания*

Очень бы хотелось утвердительно ответить на этот вопрос. А, нашел! За последний год у нас в повестке дня стала актуальной тема охраны окружающей среды. Раньше этой важной темы не было.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Я фрилансер уже полтора года и в этом есть свои плюсы. Если говорить конкретно о журналистике, то возможность работать с профессиональными редакторами разных изданий – это очень хорошая вещь, которая помогает развиваться и профессионально расти.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Сложно сказать, к лучшему или нет. Но что-то постоянно меняется. Неадекватных пиарщиков в правительстве нет – и это уже очень хорошо.

*Редактор регионального информационного сайта*

Позитива в целом мало. СМИ, особенно печатные, сейчас находятся в непростой финансовой ситуации. Мы создали новое издание, чтобы иметь возможность работать так, как считаем правильным. Но работа в условиях рынка очень непростая.

*Журналист городской газеты*

К лучшему, наверное, меняется немного. Погоня за трафиком убивают журналистику и ее стандарты, но это вина не российского законодательства, а нашей экономической ситуации и политики государства. Хотя развитие технологий привносит кое-что новое в журналистику, много информации мы теперь получаем через соцсети, что можно

назвать изменением к лучшему, объективным прогрессом.  
*Редактор сетевого областного издания*

У меня стало меньше редакционных заданий и проектов, я могу выбирать свои темы, своих героев. Инициативу журналиста стараются поддерживать.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Меняется только к худшему. СМИ с вековой историей исчезают или остаются как придаток к власти. А в свободном плавании им не выжить, рекламой не заработать. Качественных, независимых СМИ в том виде, в котором они должны существовать – с хорошим штатом сотрудников, с достойным соцпакетом – не существует на региональном уровне.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



## **Как, на Ваш взгляд, западные коллеги воспринимают журналистику и журналистов в России? Они правы или ошибаются? Почему?**

Кто-то презирает, кто-то жалеет. Наверное, у российской журналистики на западе не очень хорошая репутация. Мне кажется, в большинстве случаев это справедливо. С другой стороны, в западных СМИ мы можем также найти «кособокие» материалы про Россию, не всегда взвешенные и аргументированные. Но это информационная война, и у нее свои правила – кто-то охотно встает «под ружье» и руководствуется только идеологическими, псевдопатриотическими соображениями.

*Региональный журналист*

*государственного информационного агентства*

На мой взгляд, и в отношении западных журналистов к российским СМИ, и в отношении российских журналистов к западным СМИ, существуют устойчивые стереотипы. Надо понимать, что Путин – не вся Россия. Не все российские журналисты положительно пишут о действиях Кремля, не все журналисты в России – пропагандисты.

Я бы сказал, что каждый журналист – отдельная личность со своим именем. Кто-то из них заслуживает доверия, кто-то нет. Но точно такая же ситуация и в западных СМИ. Для меня главное в материале – чтобы под ним не было стыдно поставить свою подпись.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Я считаю, что большинство иностранных коллег понимает, что в России есть журналисты, а есть пропагандисты. Но иногда случается, что всех журналистов оценивают «под одну гребенку». В целом, думаю,

нас воспринимают как коллег.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Мне кажется, они часто не понимают нас, специфику нашей работы. Они не представляют, как можно работать под постоянным пресингом со стороны правоохранителей. Как за какую-то публикацию в СМИ могут изъять все компьютеры из редакции. Они смотрят на события, которые у нас происходят, весьма наивными глазами. Им бы в наших условиях поработать и остаться профессионалом!

*Редактор региональной партийной газеты*

Нельзя обобщать западных коллег. Коллеги, которые были в России, более осведомлены об условиях работы российских журналистов. Медиа, которые никогда не сталкивались с нашими реалиями, могут считать, что профессиональных журналистов в нашей стране нет, только пропагандисты.

Западные журналисты живут и работают в других реалиях. Мы, наверное, тоже не совсем объективно воспринимаем западные СМИ: мы можем воспринимать их более идеалистично, чем в реальности, а они нас – более критично.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Я давно общаюсь с западными журналистами и отношусь к их работе очень уважительно. Но вижу, что все-таки, при изменении политической ситуации, меняется их отношение и к российским журналистам, и к россиянам в целом. Это в меньшей степени относится к тем журналистам, кто бывает в России и работает над российскими темами (например, журналисты Баренц-региона). Совершенно иное отношение исходит от тех, кто изучает Россию через СМИ или соцсети, поскольку пропаганда есть со всех сторон и во всех странах.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Я думаю, пропаганда сильна как в России, так и на Западе. Многие высказывания о нашей работе, о стране в целом – это мифы из 90-х годов. За 30 лет Россия и информационное поле в нашей стране сильно изменились. В 1990-х было гораздо больше свободы слова, но никакой ответственности за любые фейки, которые они публиковали, СМИ не несли. Сейчас заголовки типа «Из Кольской сверхглубокой скважины доносятся стоны» были бы невозможны. Но, с другой стороны, сейчас есть и перегибы с ограничениями Роскомнадзора. На мой взгляд, лишь те западные журналисты, кто проработал в российских городах пару лет, могут судить о ситуации в нашей стране более-менее объективно.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Мне кажется, западные журналисты вообще не понимают, в каких условиях мы работаем. Им не понять, как главред газеты может быть одновременно депутатом.

Как-то был на шведском ТВ, там журналист рассказывала, что сама выбирает себе темы и может делать сюжет хоть неделю, хоть две. Для нас это было шоком! У нас есть нормы - сколько текстов-сюжетов в день надо выдать. Не всегда бывает время разработать тему так, как хочется.

Также я думаю, западные журналисты не понимают, как сложно добывать официальную информацию (не ту, что в победных пресс-релизах). В Норвегии или Дании журналисты могут увидеть официальную переписку чиновников, в Норвегии официально можно посмотреть, сколько зарабатывает любой гражданин, какая у него есть недвижимость, за сколько он ее купил. У нас фактически все засекречено. Слава богу, можно хотя бы выписку из ЕГРЮЛ посмотреть.

Зачастую чиновники отвечают на вопросы для галочки, не по существу, а лишь бы соблюсти формальную видимость ответа.

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Нередко как элемент пропагандистской машины государства, как мне кажется. На ежегодном собрании в Тромсё, которое началось с выступления о пропаганде в России (которая безусловно есть, особенно на центральных государственных каналах), я услышал мнение, что наши зарубежные коллеги не верят в независимую журналистику в России. Никакой альтернативы не прозвучало, ни слова о том, что может быть иначе. «У вас — так», была представлена одна-единственная точка зрения. Но это не так. СМИ, в котором я работаю, делает свою работу независимо, у нас нет запретных тем в критике власти, в публикациях альтернативного и оппозиционного мнения.

Иностранные коллеги судят о российской журналистике, наверное, только по центральным федеральным СМИ, а не по небольшим изданиям, работающим в регионах. В региональных СМИ тоже есть пропаганда, но есть и независимые СМИ, независимые журналисты и блогеры. А иностранные коллеги видят ситуацию однобоко и только с негативной стороны.

При этом Россия и США давно ведут холодную войну друг против друга. И обе страны используют для этого пропаганду в СМИ. Однако, выступающая в Тромсё коллега упомянула только пропаганду в России. Может стоит говорить о нюансах информационной политики более объективно? То ли у них нет реальной информации о том, что происходит, то ли объективная картина их не интересует.

*Журналист региональной частной телекомпании*

Исходя из моего опыта, многие зарубежные журналисты склонны драматизировать ситуацию в России, но не там, где надо. Меня умиляют вопросы, не боимся ли мы писать и-мейлы — их же читают спецслужбы! Они не понимают, что в России есть темы, за которые просто могут убить. Они воспринимают Россию как комбинацию Северной Кореи и Китая. Забывают, что у нас пока есть незаблокированный интернет, а все соцсети и мессенджеры не являются СМИ.

Они не понимают реальной роли журналистики в России, когда в какой-то момент был нарушен общественный договор. Чиновники перестали реагировать на запросы от СМИ, правоохранительные органы перестали реагировать на публикации СМИ о преступлениях

чиновников. Но по закону о СМИ публикация о преступлении приравнена к заявлению в полицию, прокуратура должна сразу реагировать на такие статьи. Чиновники поняли, что с ними ничего не произойдет, если они не отреагируют на запрос СМИ. Правоохранительные органы не понесут наказания, если не отреагируют на сообщение СМИ о преступлениях чиновников. И вот тогда все надломилось и СМИ перестала быть четвертой властью. Она больше не вписана в систему работы государства, на СМИ не обращают внимания. Получается, что журналисты должны постоянно спрашивать Президента на прямых линиях или пресс-секретарей Президента: «Видели ли вы репортаж о том-то и как можете прокомментировать его? Будет ли какая-то реакция?». *Редактор регионального офиса независимой газеты*

Те журналисты, которые работают и бывают в России, что-то знают. Если они знают российских коллег – то хорошо воспринимают. Остальные же воспринимают российских коллег с долей высокомерия. Я бы даже сказал, никак не воспринимают, пока с журналистом не случится что-то плохое, как с Политковской или Голуновым. Наверное, они полагают, что у нас априори нет независимой прессы. Они не знают и не понимают ни страну, ни языка, а любые сюжеты про Россию у них без нюансов. Для них в России все плохо и очень плохо, без оттенков, без объяснения причин. *Журналист регионального отделения федерального СМИ*

У меня складывается впечатление, что они думают про российских коллег, как про рабов системы, которые ничего не могут написать. Я часто общаюсь с иностранными коллегами и вижу, что они не очень понимают процессы, происходящие в России, но ведут себя уважительно по отношению к российским коллегам. Они часто интересуются только негативными новостями и трендами, связанными с жизнью в России и с работой журналистов. Иногда складывается впечатление, что они уверены, будто мы живем в тоталитарной диктатуре, что нет независимых СМИ и независимых журналистов. Но это, конечно, не так. В каждом регионе есть независимые СМИ и блогеры (их мало, но они самые читаемые), и они делают настоящую журналистику. *Журналист, редактор городского информационного сайта*

Мне кажется, что они не понимают всю тревожность нашей ситуации. Они не понимают, что у нас не та журналистика, которая существует в демократических странах. У них другие принципы, они работают на читателя, у них никто не имеет права даже вмешаться в то, что и о чем они пишут.

У нас остались отдельные сегменты в регионах (журналисты, блогеры, малые независимые издания), а журналистики как системы у нас нет. Они такие вещи в пресс-турах рассказывают о расследованиях – о том, где находить информацию, как объективно освещать события, – что у наших журналистов может начаться депрессия. Потому что это неприменимо в большинстве государственных СМИ – сама система построена так, что это не нужно. В таких СМИ, как у нас, люди продолжают работать, потому что им

больше работать негде. Тут достойная зарплата и социальные гарантии. Это не журналистика, конечно, и я, с начала работы в этой газете, перестал считать себя журналистом, хотя многие мои коллеги искренне считают себя таковыми. У нас большая нехватка кадров, но к нам никто не идет, как мне кажется, именно из-за морально-этических аспектов. Мы больше года не можем набрать новых сотрудников. Это, кстати, одна из позитивных вещей.

*Редактор областной государственной газеты*

Никогда об этом не задумывался.

Наверное, они воспринимают российских коллег по-разному. Ошибочных и поверхностных суждений хватает, как это показывают наши встречи. Некоторым кажется, что наши журналисты полны страха, боятся быть уволенными, избитыми. И они правы. Мы трусливы. Нам тоже хочется стабильности, у нас дети и кредиты и мы боимся потерять ту низкооплачиваемую работу, которую имеем.

Некоторые считают, что мы многого не видим и у нас «замылился глаз», многие новости мы черпаем из федеральных СМИ. И когда мы выезжаем в пресс-туры, у нас на многое открываются глаза.

Складывается ощущение, что к нам есть неприязнь как к людям, которые не борются за свои права. Наши западные коллеги, наверное, задаются вопросом, почему мы это терпим и продолжаем работать в таких условиях? Почему мы погрязли в воспеваниях военных побед, армейских заслуг, военно-патриотического воспитания детей? И не понимают, что нас самих эта тема уже отталкивает. В этом тоже есть своя правда. Жизнь и так дорогая, сложная, наполненная проблемами. Только единицы готовы за что-то бороться.

Молодежь в профессию не идет. Региональная журналистика им неинтересна и малооплачиваема.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Везде по-разному, наверное. Мне очень сложно судить, поскольку у меня нет серьезного опыта общения с иностранными коллегами. Мне было бы интересно с ними познакомиться и пообщаться.

*Журналист регионального информационного агентства*

Думаю, что по-разному. Журналисты, которые были в России, менее подвержены своей пропаганде и адекватнее относятся к тому, что происходит в стране. Остальные, наверное, больше верят своим официальным СМИ, где очень несбалансированная подача информации о России.

Я не могу судить всех журналистов. Когда-то в Осло, лет 10 назад, я был в редакции «Aftenposten», где главным редактором был мужчина – он 20 лет прожил в России и понимал по-русски. Помню, это было очень интересное общение.

*Журналист областной газеты и сайта*

Не так много общался с иностранными коллегами. Не знаю, какие СМИ они читают, не знаю, как они к нам относятся.

Как мне кажется, у наших западных коллег есть мнение, что мы всего боимся и живем в постоянном страхе. У них этот стереотип сложился из-за убийств таких журналистов как Анна Политковская. Довольно трудно им объяснить, что это не так и в страхе мы не живем. Наша главная проблема – проблема финансовой самодостаточности, расширения газет и так далее. Но у них те же проблемы. Им сложно объяснить, за что конкретно убивали журналистов, поскольку ни одно дело не раскрыто. Мы сами виноваты в том, что у них такие стереотипы.

Другой стереотип – что все СМИ в России зависят от государства и несвободны. Они не понимают, как СМИ могут быть государственными и при этом быть отчасти независимыми. Это возможно при правильном редакторе: будет он биться за каждый материал, заголовок, фразу? Насколько хорошо редактор понимает ситуацию? Конечно, можно писать не все, но, тем не менее, можно.

*Фрилансер региональных СМИ*

Мне кажется, у наших западных коллег, мягко говоря, преувеличенно плохое впечатление об условиях работы российских журналистов. Они считают, что нас за каждое слово по рукам бьют, за все ругают, ничего критического мы не публикуем, хотя у нас все не так безнадежно.

Причина подобного мнения наших западных коллег, как мне кажется, заключается в том, что они тоже подвержены пропаганде в своих СМИ. Не хочу сказать, что они являются жертвами пропаганды, там все тоньше и аккуратнее, но этот фактор имеет значение.

Впрочем, они общаются с российскими журналистами, причем, я уверен, с нормальными журналистами – оголтелые пропагандисты даже не согласятся с западными коллегами говорить.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Трудно сказать за всех. Давние коллеги, которые живут, как и мы, в приграничье, прекрасно все понимают. Иногда они говорят, что журналисты в России – герои, потому что условия работы тяжелые. Иногда общаются несколько свысока, но это я лично ощущал лишь в отношении владения новыми технологиями. Что «большие», федеральные журналисты думают о «больших» федеральных российских СМИ или отдельных персоналиях, я не знаю.

*Редактор частной городской газеты*

Ни разу не общался с иностранными журналистами, так что не знаю.

*Журналист частного интернет-издания*

У меня сложилось впечатление о несколько предвзятом отношении к нам. Есть тезис: «В России нет свободы слова», и он обычно подтверждается любыми аргументами, они иногда притягиваются чуть ли

не за уши.

Но есть два уровня: федеральные журналисты (журналисты крупных национальных СМИ) и региональные. Федеральные журналисты видят только пропаганду и отсутствие свободы слова. Это не всегда и не совсем верно. Они либо не понимают ситуации, либо им просто выгодно представлять ситуацию в России именно такой.

Сотрудничество региональных журналистов избавляет от шаблонного мышления. Скандинавские коллеги из регионов, общающиеся с российскими коллегами, не делят ситуацию на черную и белую, а больше видят нюансов и больше понимают специфику нашей работы.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

Западные коллеги – люди очень разные. Те, кто плотно занимаются российскими проблемами, пишут о них, на мой взгляд, прекрасно, и все понимают – и наши риски, и нашу мотивацию, и проблемы страны. Как-то на тренинге пару лет назад один иностранный журналист рассказывал нам, что главная проблема журналистики – это авторское право. Было ясно, что он не в курсе, что происходит с журналистикой у нас в стране. Но это, пожалуй, был единственный случай на моей памяти. Те статьи, которые я читал в иностранной прессе о проблемах, с которыми я хорошо знаком, обычно профессионально написаны и претензий к ним не возникает. Вообще журналисты хорошо понимают друг друга и находят общий язык очень быстро, вне зависимости от того, откуда они.

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Западные коллеги уверены, что мы угнетенные и зараженные пропагандой. Это не так. Ошибаются они потому, что у них тоже есть своя пропаганда, и она рисует нас в очень неприглядном свете. Работать у нас, думаю, сложнее, но не все так плохо.

*Редактор регионального информационного сайта*

Думаю, у них много предубеждений и страшилок относительно журналистики в России и страны в целом, которые они черпают из своих источников. Что-то из этого правда. Что-то им сложно понять просто потому, что у нас все работает совершенно по-другому. Хотя знаю, что на Западе тоже не все так радужно, как это пытаются представить (особенно в США).

*Журналист городской газеты*

Не сталкивался с каким-то особым отношением западных журналистов к российским – ни с отрицательным, ни с гиперположительным. Оно обычно нейтральное. Если и проявляют интерес, то просто спрашивают о жизни в России и об условиях работы.

*Редактор сетевого областного издания*

Я думаю, что они считают нас недожурналистами, которые работают за деньги, редко ходят в суды отстаивать свои права и позволяют вла-

стям сужать рамки закона о СМИ. Отчасти они правы.  
*Журналист регионального интернет-СМИ*

На мой взгляд, они вообще не понимают, как мы работаем, в каких условиях приходится добывать информацию и чего стоит выдавать ее читателям.

Как им объяснить, что у нас мэр может позвонить руководителям предприятий и запретить размещать рекламу в определенном СМИ, угрожая санкциями? Что руководитель управления образования может вызвать директора школы, который дал нам интервью и орать на нее, угрожая увольнением, если что-то в интервью ему не понравилось? Что мэр может позвонить руководству Роспечати и запретить продавать ваши газеты? Что ответа на запрос комментария по текущему событию мы можем ждать от семи дней и до бесконечности? Что пресс-секретарь губернатора может оскорблять тебя в соцсетях совершенно безнаказанно? Когда у редакции просто нет ни на что денег – ни на командировки, ни на еду. А журналисты в этих условиях должны и работать, и семьи кормить, и как-то детей воспитывать.  
*Главный редактор информационного регионального агентства*

18

## **Цель этого проекта - донести информацию о том, как работают российские журналисты, коллегам из Северных стран. Что Вы сказали бы им как журналист журналистам?**

Я бы сказал, что журналисты, как и врачи, и учителя – все разные. Причем не только в России. Сегодня, к сожалению, в журналистику приходят люди зачастую без образования, без знания основ и базовых принципов, без твердых моральных убеждений. По моему мнению, журналистика – это профессия, как и любая другая. Не образ мыслей, не образ жизни – просто такая работа. В любой стране то, как человек относится к своей работе, прежде всего, зависит от него самого, от его собственных убеждений, от границ, которые он для себя устанавливает. В России сегодня быть журналистом труднее, чем во многих других странах – прежде всего потому, что большинство СМИ принадлежит государству, независимых очень мало, пропагандистская машина работает на очень высоких оборотах, а система, как правило, сильнее личности – за редким исключением. Поэтому серьезную конкуренцию традиционной журналистике составляют блоги и соцсети, доверия они у многих вызывают больше. Наверное, профессия журналиста в скором времени очень сильно трансформируется, либо ее значимость еще больше упадет. В России не очень сильна профессиональная солидарность – каждый сам по себе (пример с Голуновым, скорее, исключение), журналистов чаще защищают и поддерживают общественники, правозащитники, чем коллеги по цеху. Мне кажется, чтобы журналистика в России стала сильным и независимым явлением, должно смениться не одно поко-

ление, измениться сама система и отношение к профессии как общества, так и самих журналистов.

*Региональный журналист  
государственного информационного агентства*

Не надо нас учить работать согласно реалиям вашей страны. Ваша жизнь и условия работы журналистов в ваших странах сильно отличаются от тех условий и ограничений, в которых пытаются работать российские журналисты. Непонимание между нами можно разрушить лишь личными контактами и более глубоким изучением медиарынка, в том числе, соцсетей. Даже получение информации от официальных источников в России сродни полноценному журналистскому расследованию. Но такие трудности воспитывают в тебе профессионала.

*Журналист регионального новостного онлайн издания*

Я считаю, что сложившиеся отношения между журналистами России и северных стран должны дальше развиваться и укрепляться. Центральное ТВ и пропаганда не имеет отношения к журналистике. К счастью, в Баренц-регионе России таких пропагандистов очень мало.

*Редактор частного регионального информационного агентства*

Им очень повезло с условиями работы журналистов. Пусть приезжают работать к нам – их профессиональный потенциал взлетит на небывалую высоту.

*Редактор региональной партийной газеты*

Я бы им сказал, что они счастливые люди из-за условий работы и потому, что их профессия может оказывать влияние на процессы, происходящие в обществе, на поведение власти. Они находятся в менее рискованной ситуации в плане личной безопасности.

Независимая российская журналистика, несмотря на то, что ее осталось немного, остается очень качественной – новые ограничения заставляют независимых журналистов профессионально расти.

*Региональный корреспондент федеральной независимой газеты*

Нужно продолжать плодотворное сотрудничество, чтобы лучше понимать друг друга.

*Региональный журналист государственного СМИ*

Несмотря, на границы государств, границы мышления и границы менталитетов, мы делаем одно дело: информируем своих читателей о жизни в городе, регионе или стране. Каждый день мы с вами делаем одну и ту же работу, поэтому нам есть о чём поговорить и поспорить.

*Региональный редактор федеральной газеты*

Я бы сказал, два мира — два кефира. У нас все по-другому, особен-

но если мы говорим о журналистских расследованиях. Там после публикации о том, что министр образования задолжала оплату за детский сад, чиновник лишилась поста. У нас все будут возмущаться, но ничего не поменяется. Сколько расследований сделал ФБК (Фонд Навального)? Хоть один чиновник лишился должности? Хоть какие-то проверки начали наши правоохранительные органы?

В анкете не было такого вопроса, но на работу СМИ влияет и УФАС. Периодически они считают обычный текст рекламой. Иногда это действительно не промаркированная реклама. Или рекламы больше, чем позволено законом. В общем — еще один контролер...

*Журналист государственной муниципальной газеты*

Коллеги, добро пожаловать к диалогу, к обмену опытом, и я всегда готов с вами поспорить!

*Журналист региональной частной телекомпании*

Российские журналисты нуждаются в европейском опыте, в общении с иностранными коллегами. После возвращения из пресс-туров, после посещения зарубежных редакций мы всегда чувствуем себя более профессионально мотивированными. Этот аспект психологически для нас более важен, чем какие-либо ограничения.

Журналисту маленькой муниципальной газеты важно понимать, что его воспринимают как коллегу, равноценного партнера большой европейской редакции, и всячески показывают, что мы все работаем ради одной цели – доступа наших читателей к информации, свободы слова и развития принципов демократии. Это самая главная профессиональная мотивация.

Надо понимать, что для Баренцева региона Москва далеко, Европа к нам гораздо ближе. Наши журналисты подпитываются принципами свободы слова и демократии. Важно, чтобы мы продолжали чувствовать, что мы – часть общего международного дела, общего мирового сообщества. Без свободной прессы не может быть свободного государства.

*Редактор регионального офиса независимой газеты*

Надо чаще встречаться и больше узнавать друг о друге. Очень важны журналистские поездки и пресс-туры, которые позволяют общаться журналистам из разных стран.

По крайней мере, мне такие мероприятия очень важны для понимания того, как живет и думает другая страна. Если им нужен российский спикер-профессионал по той или иной проблеме – пусть обращаются, мы всегда подскажем экспертов, которые могут дать взвешенный, сбалансированный комментарий, а не только тех, кто придерживается какой-то определенной точки зрения на проблему.

*Журналист регионального отделения федерального СМИ*

Не надо доверять всем публикациям о России, перепроверяйте то, о чем читаете. Приезжайте сами, общайтесь с жителями, поговорите с российскими коллегами – составите свое мнение. Вы же журналисты!

*Журналист, редактор городского информационного сайта*

Они должны быть счастливы, что могут работать в таких условиях, что у них созданы. Хотелось бы, чтобы у нас были такие же условия, но для этого должны произойти глобальные изменения в обществе.

*Редактор областной государственной газеты*

Не судите да не судимы будете. Мы поставлены в жесткие рамки, но другой журналистской работы у нас не найти. Мне было бы любопытно представить наших иностранных коллег, которых бы поставили в наши рамки работы. Хочешь быть журналистом – вот тебе условия игры. Не думаю, что многие стали бы героями или борцами за права и свободу слова с риском оказаться без работы, квартиры и социальных гарантий.

Мне хоть один день хотелось бы поработать в условиях коллег из северных стран. Думаю, что и там своя цензура и проблемы, но было бы интересно испытать этот опыт.

*Региональный журналист государственного телеканала*

Профессиональная журналистика остается для нас базой, основой работы, несмотря ни на какие законы и ограничения. Если СМИ не зависит от правительства, то можно профессионально выполнять свои обязанности.

*Журналист регионального информационного агентства*

Не слушайте никого, приезжайте к нам и сами посмотрите, составьте свое мнение.

*Журналист областной газеты и сайта*

Не смотрите российское телевидение, там необъективная информация, и, в основном, сюжеты российского телевидения не о России, а об Украине, о протестах во Франции, о ситуации в Сирии... Приезжайте, мы все покажем и расскажем. Чтобы понять Россию, нужно самим на нее посмотреть. Мы вам в этом готовы помочь. Мы стараемся работать профессионально и объективно.

*Редактор регионального онлайн издания*

Нам необходимо сотрудничество. Прежде всего, по климатическим и экологическим вопросам – это одна из самых глобальных проблем настоящего времени. Нам необходимо знать демократические европейские практики, права коммун, областей и местных сообществ.

*Фрилансер региональных СМИ*

Давайте встречаться, общаться и разговаривать. У нас много тем, над которыми можно вместе работать. Да и личное общение очень важно, оно ломает стереотипы.

*Журналист регионального онлайн СМИ*

Дорогие друзья! Я убежден, что мы делаем лучшую работу в мире – рассказываем одним людям о других людях хорошим, правильным и интересным языком. Я мечтаю о том дне, когда мы будем уважаемы властями, олигархами, и, безусловно, нашими читателями. Я мечтаю о временах, когда за публичное выражение собственного мнения человек не будет казнен – ни метафорически, ни буквально. Я уверен, что люди во всем мире одинаковы – нас не разделяет ничто, кроме нарисованных на глобусе линий, которых не видно даже из ближайшего космоса. И надеюсь, что когда-нибудь журналистика навсегда перестанет быть рупором и пропагандистом, и мы вернемся к нашим историям: об одних людях – другим людям.

*Редактор частной городской газеты*

В России, пожалуй, не очень хорошо обстоят дела со свободой слова. У вас все гораздо лучше в этом плане. Осуществление журналистской деятельности у нас может грозить серьезными штрафами или даже задержаниями.

*Журналист частного интернет-издания*

В России тоже есть журналисты – люди, которые самостоятельно и добровольно выбрали эту профессию. Они работают профессионально и делают эту работу так, как это возможно, как им позволяют обстоятельства. Может сложиться мнение, что мы занимаемся разной журналистикой с нашими иностранными коллегами, но мы и работаем в разных условиях. Совместные мероприятия и общение помогают понять мотивы друг друга и то, как в наших странах устроена система.

*Региональный журналист государственной телекомпании*

«Обнимемся!» – сказал бы я. А если серьезно, несмотря на разный уровень жизни в наших странах и на разницу в свободе для СМИ, у нас есть общие темы, на которые мы можем писать. Заниматься совместными проектами, например, в области экологии или культуры, или вместе раскрывать махинации каких-нибудь компаний. Яркий пример совместной работы журналистов из разных стран – это «Панамское досье».

*Региональный журналист-фрилансер независимых федеральных СМИ*

Гражданское общество в России находится в стадии формирования. Это непростой процесс. И журналисты играют в нем важную роль. Например, то, что мы отстаивали коллегу, Ивана Голунова, говорит о позитивных сдвигах. Мы боремся с культом силы в обществе и, самое важное, в головах. Наша власть неоднородна, как и везде. Бывают продажные силовики, а бывают честные министры. То, что многие

люди в России сейчас ненавидят чиновничество как явление, – ненормальный перекоп, я считаю. Это нужно менять, и это не односторонний процесс.

Сейчас работать в России непросто, но очень интересно. Посмотрите на сайт «Такие дела», на «7x7», на «Фонтанку», на Юрия Дудя и на многих других. Они существуют, вполне открыто и очень успешно.

К конструктивной критике из-за рубежа и к сотрудничеству с западными коллегами мы готовы. Глобализация все равно заставит нас многие вопросы решать совместно. Но мне хочется более взвешенного отношения коллег, более честного. Пока разница в – геополитических интересах, и где-то исторический бэкграунд все же портит наши связи, не дает нам общаться открыто и на равных. Надеюсь, мы это преодолеем хотя бы внутри нашего журналистского цеха.

*Редактор регионального информационного сайта*

Что российские журналисты работают в других условиях и другом правовом поле, но это не значит, что они менее профессиональны. Есть те, кто стараются доносить важные вещи до своей аудитории, делают интересные и пользующиеся спросом проекты.

*Журналист городской газеты*

Я бы поинтересовался, как им работается, послушал бы какие-нибудь занимательные истории. Хотя, кажется, у них все так хорошо, что слушать было бы скучно. У нас проблем больше и они глубже, поэтому у нас веселее.

*Редактор сетевого областного издания*

У нас разная журналистика. Мы чаще пишем о мелких местных проблемах, пытаюсь помочь людям с решением даже социальных проблем. Такова российская журналистика действия. Думаю, в Европе корреспонденты этим не занимаются – они освещают более масштабные процессы, мировые тенденции.

*Журналист регионального интернет-СМИ*

Я хочу сказать, что я очень рад за журналистов Северных стран, что у них есть свобода слова! И уверенность в завтрашнем дне, и мощная защита, в том числе, от тюрьмы за профессиональную деятельность. Это так важно!

У нас всего этого нет. Но мы не сдаемся. И мы не просто любим свою профессию, мы понимаем, что без нее России нельзя. Без нас власть в стране сможет творить все, что ей угодно. А пока есть еще настоящие журналисты, ей это делать не так просто.

*Главный редактор информационного регионального агентства*



# Законодательство

**Юрист Дамир Гайнутдинов:  
Краткий обзор  
законодательства  
и рисков правоприменения**



## Принятые сокращения

**КоАП** – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. N 195-ФЗ

**УК РФ** – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. N 63-ФЗ

**ГК РФ** – Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть Первая от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ, Часть Вторая от 26.01.1996 г. N 14-ФЗ, Часть Третья от 26.11.2001 г. N 146-ФЗ и Часть Четвертая от 18.12.2006 г. N 230-ФЗ)

**ГПК РФ** – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ

**Закон об информации** - Федеральный закон от 27.07.2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

**Закон о СМИ** - Закон Российской Федерации от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации»

**Закон о наркотических средствах** – Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»

**Закон о защите детей** - Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

**Закон о противодействии финансированию терроризма** - Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»

**Закон об экстремизме** - Федеральный закон от 25.07.2002 года N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

**РКН** – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

**РПН** – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

**ГП РФ** – Генеральная прокуратура Российской Федерации

## Существующие риски

Предупреждение РКН о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации.

Постановка на профилактический учет в полиции.

Административная ответственность в виде штрафа, ареста, конфискации предмета правонарушения, приостановления деятельности организации.

Уголовная ответственность в виде штрафа, исправительных работ или лишения свободы.

Блокировка сайта, в т.ч. сетевого СМИ.

Прекращение деятельности СМИ.

Признание организации или гражданина иностранным агентом.

Включение в Перечень лиц организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, влекущее ограничение банковских операций и заморозку счетов.

---



## Нецензурная брань в СМИ

### Законодательство

Ст.ст. 4 и 16 Закона о СМИ и ст.13.21 КоАП.

### Суть ограничения

Использование нецензурной брани в средствах массовой информации является злоупотреблением свободой массовой информации (ст.4 Закона о СМИ) наряду с разглашением государственной тайны и пропагандой терроризма. Закон не дает определения нецензурной брани и не содержит перечня конкретных слов, однако РКН относит к ним «нецензурное обозначение мужского полового органа, нецензурное обозначение женского полового органа, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения [цит. по рекомендациям РКН], а также все образованные от этих слов языковые единицы». Недостатки закона нивелируются разъяснениями правоприменителя (Роскомнадзор), в которых достаточно четко сформулированы стандарты, соблюдение которых защищает редакцию от преследования.

### Ответственность

На практике это применяется лишь к СМИ, зарегистрированным РКН, поскольку только в этом случае у ведомства есть способ воздействия в виде предупреждение о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации. Вынесение редакции или учредителю СМИ двух письменных предупреждений в течение 12 месяцев дает РКН основания обратиться в суд с заявлением о прекращении деятельности СМИ.

Кроме того, журналиста, редактора и редакцию в целом можно привлечь к административной ответственности по ч.3 ст.13.21 КоАП.

## Санкция

Штраф до 3 тыс. рублей для граждан, до 20 тыс. рублей для должностных лиц, до 200 тыс. рублей для юридических лиц, а также конфискация предмета правонарушения (тиража, сервера и т.п.)

Примеры правоприменения. К ответственности могут привлечь как за использование нецензурных слов непосредственно в материалах СМИ, так и за гиперссылки на подобные материалы или отказ удалить с сайта нецензурные комментарии пользователей. К примеру, издание «Тайга.инфо» оштрафовали за публикацию новостей об избиении подростка, сопровождавшихся гиперссылками на видео, опубликованные в социальных сетях. Предупреждение РКН, как правило, сопровождается составлением протокола об административном правонарушении.

## 2

## Описание способов и причин самоубийства

### Законодательство

Ст.15.1 Закона об информации, ст.110.1 УК РФ.

### Суть ограничения

Закон об информации предусматривает возможность ограничения доступа к информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства – соответствующие страницы РКН включает в Реестр запрещенных сайтов, а хостеру направляет уведомление для передачи владельцу ресурса, у которого есть одни сутки чтобы удалить запрещенную информацию. В противном случае операторы связи обязаны будут начать блокировать для своих абонентов доступ к внесенным в Реестр страницам. Существующее регулирование порождает две основные проблемы.

Во-первых, Закон об информации позволяет операторам связи самостоятельно определять способ ограничения доступа к запрещенной информации (по URL, доменному имени либо сетевому адресу), многие из них выбирают наиболее простой, но одновременно и наиболее «неизбирательный» способ – блокировку IP-адреса. В результате из-за одной заметки, признанной властями незаконной, сайт СМИ может быть полностью заблокирован, а вместе с ним и множество других ресурсов, использующих тот же IP (т.н. collateral blocking). Перед редакцией в такой ситуации всего стоит выбор – безусловно исполнить требование РКН и обжаловать его в суде, что может занять месяцы и крайне редко заканчивается победой, либо рисковать блокировкой.

Во-вторых, существующие критерии оценки информации сформулированы чрезвычайно широко. Российские власти ссылаются на рекомендации Всемирной организации здравоохранения, однако на практике РПН, РКН и суды запрещают в принципе упоминать способ или причины самоубийства. Неопределенность закона порождает непредсказуемую и произвольную практику.

### Примеры правоприменения

В декабре 2019 года РКН потребовал от «Медиазоны» отредактировать статью «Разумная инициатива и творческий подход». В ма-

териале описывалось уголовное дело полицейских Нижнекамска, пытавших задержанного Ильназа Пиркина, который, не выдержав издевательств, покончил с собой, прыгнув с высотного здания. Претензии РКН вызвали слова «забрался на крышу десятиэтажного дома и прыгнул вниз», а также фотография из материалов уголовного дела, на которой стрелкой было показано наиболее вероятное место прыжка. Все это было расценено как инструкция для самоубийц. А новости о том, что человек, болеющий раком, покончил с собой из-за отсутствия обезболивающих, блокируют за указание на самоубийство как на способ решения жизненных проблем.

Случаются и курьезы. Недавно РКН потребовал от пользователя Twitter удалить опубликованное несколько лет назад сообщение: «У Галереи мужик на дереве повесился. С бородой, похож на священника. Рядом стоят несколько врачей скорой, не знают, как снять - высоко висит».

### **Уголовная ответственность**

В 2017 году УК РФ дополнили статьей 110.1 (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства). Часть 2 этой статьи устанавливает ответственность, в том числе, за содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации. Наказание – до 3 лет лишения свободы, а если они совершены в отношении несовершеннолетнего или в СМИ, то это уже часть 3 той же статьи и до 4 лет лишения свободы. До настоящего времени известно лишь о семи приговорах по этой статье, но само ее существование угрожает общественной дискуссии на тему суицида.



## **Информация о несовершеннолетних правонарушителях и потерпевших от правонарушений**

### **Законодательство**

Ст.ст. 4, 16 и 41 Закона о СМИ, ч.3 ст. 13.15 КоАП, ч.3 ст.137 УК РФ, ст.15.1 Закона об информации, ст.5 Закона о защите детей.

### **Суть ограничения**

Распространение в СМИ и в интернете информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения несовершеннолетнего, ее/его родителей и иных законных представителей, дату рождения, аудиозапись голоса, место его жительства, учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность, признается злоупотреблением свободой массовой информации.

Также редакции запрещается распространять сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление или административное правонарушение или любое другое «антиобщественное» действие, без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя. По российскому законодательству несовершеннолетними считаются лица, не до-

стигшие 18 лет.

Такую информацию запрещено раскрывать без согласия родителей или законных представителей, либо ребенка, если ей/ему уже исполнилось 14 лет. Важная оговорка – распространять информацию можно и без согласия законного представителя, если тот сам является подозреваемым или обвиняемым в совершении противоправных действий в отношении несовершеннолетнего.

Вопрос о возможности публиковать без согласия родственников информацию о несовершеннолетнем, умершим к моменту публикации, в том числе спустя длительное время, остается дискуссионным. Такая публикация может влечь за собой ответственность.

### **Ответственность**

Как и за любое злоупотребление свободой массовой информации, за раскрытие информации о потерпевшем редакция может получить предупреждение РКН, а в случае повторности – лишиться свидетельства о регистрации СМИ. Это также может быть квалифицировано как административное правонарушение или преступление. Еще одно возможное последствие – блокировка ресурса операторами связи в случае отказа выполнить требование РКН об удалении запрещенной информации (решение в этой ситуации будет принимать сам РКН).

### **Санкция**

По ч.3 ст.13.15 КоАП - штраф до 5 тыс. рублей для граждан, до 50 тыс. рублей для должностных лиц, до 1 млн рублей для юридических лиц, а также конфискация предмета правонарушения (тиража, сервера и т.п.)

По ч.3 ст.137 УК РФ – лишение свободы до 5 лет (впрочем, с 2013 года, когда статья появилась в УК, ни одного приговора вынесено не было).

## **4**

## **Информация о наркотиках**

### **Законодательство**

Ст.4 Закона о СМИ, ст. 15.1 Закона об информации, ст. 6.13 КоАП, ст. 46 Закона о наркотических средствах.

### **Суть ограничения**

Общая норма содержится в Законе о наркотических средствах, который запрещает распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования (а) наркотических средств, (b) психотропных веществ и (c) их прекурсоров, (d) новых потенциально опасных психоактивных веществ, (e) местах их приобретения, (f) способах и (g) местах культивирования наркосодержащих растений, в том числе пропаганду каких-либо преимуществ в использовании отдельных наркотических средств, также пропаганду использования их в медицинских целях. Легального определения термина «пропаганда наркотических средства» не существует, таким образом, вне закона оказывается обсуждение заместительной терапии (в том числе метадоновой и героиновой), легализации отдельных видов наркотиков в зарубежных странах и подобные вопросы, а также художественная

литература, описывающая процесс изготовления и употребления наркотиков. Пропаганда наркотических средств считается злоупотреблением свободой массовой информации.

Закон об информации в свою очередь устанавливает основания для ограничения доступа к любой информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений. Однако, утвержденные в 2017 году критерии оценки запрещенной информации, содержат гораздо более широкий перечень запретов. Это не только описание порядка действий, необходимых для изготовления или использования наркотиков, выращивания наркосодержащих растений, но и описание способов ухода от ответственности, связанной с их незаконным оборотом, а также «формирование у целевой аудитории положительного образа лиц, осуществляющих изготовление, разработку и использование» наркотических средств.

### **Ответственность**

Как и за любое злоупотребление свободой массовой информации за пропаганду наркотиков редакция может получить предупреждение РКН, а в случае повторности – лишиться свидетельства о регистрации СМИ. Это также может быть квалифицировано как административное правонарушение. Еще одно возможное последствие – блокировка ресурса операторами связи в случае отказа выполнить требование РКН об удалении запрещенной информации (решение в этой ситуации будет принимать МВД либо РКН, если публикация сделана в зарегистрированном СМИ).

В настоящее время обсуждается введение уголовной ответственности за подобные действия, в том числе в виде длительного лишения свободы. По поручению Владимира Путина соответствующие предложения по изменению законодательства должны были быть подготовлены правительством до 10 января 2020 года.

### **Санкция**

Штраф до 5 тыс. рублей для граждан, до 50 тыс. рублей для должностных лиц, до 1 млн рублей для юридических лиц, а также конфискация предмета правонарушения (тиража, сервера и т.п.) и административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

### **Примеры правоприменения**

В 2013 году регистратор доменных имен по требованию московского управления ФСКН прекратил делегирование доменного имени сайта Фонда имени Андрея Рылькова из-за публикации официальных документов ВОЗ и Управления ООН по наркотикам и преступности, о роли заместительной метадоновой терапии в профилактике ВИЧ/СПИД. Эту информацию посчитали пропагандой наркотиков и утверждением о преимуществах метадона перед героином.

В декабре 2018 года РКН потребовал от редакции самиздата «Батенька, да вы трансформер» удалить статью «Героин – собственность модели» о девушке, которая живет обычной жизнью, несмотря на то, что в течение десяти лет ежедневно употребляет героин. МВД, прини

мавшее решение о запрете, сочло, что публикация создает положительный образ «наркомана».



## Упоминания ЛГБТ

### Законодательство

Ст.5 Закона о защите детей, ст. 6.21 КоАП, ст. 15.1 Закона об информации.

### Суть ограничения

Среди несовершеннолетних запрещено распространять информацию, отрицающую семейные ценности и пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения. Традиционными считаются сексуальные отношения между мужчиной и женщиной. На практике запрещенным может оказаться любое позитивное или нейтральное упоминание ЛГБТ, вне зависимости от целевой аудитории сообщения, в том числе адресованное взрослым и имеющее возрастную маркировку 18+.

### Ответственность

Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившаяся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, является административным правонарушением. В связи с этим суд по иску прокурора может признать такую информацию запрещенной, что влечет за собой ограничение доступа к интернет-ресурсу в порядке, описанном выше. Наличие на сайте возрастной маркировки не гарантирует защиты. Европейский суд в недавно вынесенном постановлении по делу «Баев и другие против России» признал, что положения законодательства Российской Федерации о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, учитывая неопределенность используемой терминологии и потенциально неограниченную сферу их применения, создают возможность для злоупотреблений.

### Санкция

По ч.2 ст.6.21 КоАП – штраф до 100 тыс. рублей для граждан, до 200 тыс. рублей для должностных лиц и до 1 млн либо административного приостановления деятельности на срок до 90 суток для юридических лиц.

### Примеры правоприменения

В 2019-2020 годах активистку Юлию Цветкову трижды штрафовали за пропаганду нетрадиционного секса в социальных сетях из-за ведения паблика, в котором обсуждались вопросы феминизма и права ЛГБТ. К примеру, поводом для преследования послужила картинка с подписью «Семья там, где любовь. Поддержите ЛГБТ+ семьи».

# 6

## Информация о террористических актах и террористах

### Законодательство

Ст.4 Закона о СМИ, ч.6 ст.13.15 КоАП, ст.205.2 УК РФ, ст.6 Закона о противодействии финансированию терроризма.

### Суть ограничения

В СМИ запрещается распространение материалов, содержащих публичные призывы к терроризму или публично оправдывающих терроризм. При освещении контртеррористической операции запрещается распространение в средствах массовой информации сведений о специальных средствах, технических приемах и тактике проведения такой операции. Таким образом, фактически допускается лишь однозначно негативная оценка личности и действий обвиняемых и подозреваемых в терроризме, а также максимально обобщенное описание событий и действий силовых структур, запрещается цитирование исполнителей терактов и лидеров террористических групп.

### Ответственность

Редакция или учредитель зарегистрированного СМИ в случае публикации подобной информации может получить предупреждение РКН, а в случае повторности – лишиться свидетельства о регистрации СМИ. Также являющиеся юридическими лицами редакция или учредитель СМИ, в котором было опубликован материал с призывами к терроризму или оправданием терроризма, могут быть привлечены к административной ответственности.

Журналист и (или) редактор подлежат уголовной ответственности, а также могут быть включены в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Это означает, что их банковский счета будут заморожены, а все финансовые операции подлежат обязательному контролю. Разрешается тратить 10 тыс. рублей в месяц на члена семьи.

### Санкция

По ч.6 ст.13.15 КоАП – штраф до 1 млн рублей, а также конфискация предмета правонарушения (тиража, сервера и т.п.).

По ст.205.2 УК РФ – штраф до 1 млн рублей либо лишение свободы до семи лет.

### Примеры правоприменения

Журналистка Светлана Прокопьева обвинялась в пропаганде терроризма из-за реплики в эфире радиостанции «Эхо Москвы во Пскове», посвященной взрыву, устроенному Михаилом Жлобицким в приемной архангельского управления ФСБ. Кроме того, к административной ответственности были привлечены редакция «Эха Москвы во Пскове» за публикацию стенограммы эфира на своем сайте и редакция «Псковской ленты новостей», перепечатавшей материал. Оба издания также получили предупреждения РКН о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации. Суд признал Прокопьеву виновной в оправдании терроризма и назначил штраф

в размере 500 тысяч рублей. Прокурор просил шесть лет лишения свободы.

## 7

### Упоминания экстремистских организаций

#### Законодательство

Ст.4 Закона о СМИ, Закон об экстремизме, ч.2 ст.13.15 КоАП.

#### Суть ограничения

В Российской Федерации запрещено распространять информацию об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень организаций, запрещенных или ликвидированных на основании Закона об экстремизме, без указания на то, что организация ликвидирована или ее деятельность запрещена. Перечень экстремистских организаций публикуется на сайте Министерства юстиции России и в настоящее время включает 74 записи, среди которых – Меджлис крымскотатарского народа, украинские националистические организации «Правый сектор» и УНА-УНСО, Национал-большевистская партия, религиозное объединения «Таблиги Джамаат», региональные организации «Свидетелей Иеговы», Карельское отделение Молодежной правозащитной группы, а также целый ряд российских ультраправых движений и объединений.

#### Ответственность

Редакция или учредитель зарегистрированного СМИ в случае упоминания названия любой организации из перечня без указания на запрет, может получить предупреждение РКН, а в случае повторности – лишиться свидетельства о регистрации СМИ. Это также является административным правонарушением.

#### Санкция

Штраф до 2,5 тыс. рублей для граждан, до 5 тыс. рублей для должностных лиц, до 50 тыс. рублей для юридических лиц, а также конфискация предмета правонарушения (тиража, сервера и т.п.)

## 8

### Материалы о Второй мировой войне, реабилитация нацизма, негативная информация о мемориалах и национальных праздниках

#### Законодательство

Ч.4 ст.13.15. КоАП, ст.354.1 УК РФ.

#### Суть ограничения

Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», одобрение преступлений, установленных указанным приговором, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны в СМИ,

а также распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России образует состав преступления, а для юридических лиц (редакции или учредителя) является административным правонарушением.

### **Ответственность**

Практика свидетельствует о том, что любая информация, выходящая за пределы официально одобряемой концепции истории событий Второй мировой войны, а также критика действий СССР, советского руководства и командования Красной Армии несут риски привлечения к ответственности. Наиболее опасной темой является 9 Мая и все, что связано с обсуждением празднования.

### **Санкции**

По ст.354.1 УК РФ – штраф до 500 тыс. рублей либо лишение свободы на срок до 5 лет.

По ч.4 ст. 13.15 КоАП – штраф до 1 млн рублей.

### **Примеры правоприменения**

Жителя Перми Владимира Лузгина признали виновным и приговорили к штрафу в 200 тысяч рублей из-за репоста статьи «15 фактов о бандеровцах, или О чем молчит Кремль», в которой рассказывалось о совместном нападении СССР и Германии на Польшу в сентябре 1939 года и развязывании Второй мировой войны. Магаданский ученый Игорь Дорогой привлекался к уголовной ответственности за комментарий в социальных сетях, в котором он назвал Георгия Жукова «мародером», а представителя СССР на Нюрнбергском процессе Романа Руденко – «мокрушником».

Возможно и разнообразное неформальное давление. К примеру, после публикации на сайте телеканала «Дождь» голосования по вопросу «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?», прокуратура начала проверку редакции, а крупные операторы кабельных сетей и спутникового телевидения исключили «Дождь» из пакетов услуг.



## **Оскорбление чувств верующих**

### **Законодательство**

Ч.2 Ст.5.26 КоАП, ч.1 ст.148 УК РФ.

### **Суть ограничения**

Запрещается оскорбление религиозных чувств верующих, а также публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение.

### **Ответственность**

Административная и уголовная ответственность, как для журналистов, так и для редакции (учредителей). Подобные действия в силу

неопределенности формулировок могут также подпадать под определение экстремизма, а соответствующие публикации квалифицироваться РКН как злоупотребление свободой массовой информации. Существует вероятность обращения прокурора с заявлением о запрете информации в суд и последующей блокировки сайта РКН.

### **Санкции**

По ч.2 ст.5.26 КоАП – штраф до 50 тыс. рублей на граждан и до 200 тыс. рублей на должностных лиц.

По ч.1 ст.148 УК РФ – штраф до 300 тыс. рублей либо лишение свободы на срок до одного года.

### **Примеры правоприменения**

В 2015 году РКН опубликовал разъяснения, согласно которым, публикация карикатур на религиозную тематику (в том числе советских антирелигиозных плакатов) может быть расценена как возбуждение вражды и злоупотребление свободой массовой информации.

Издание «Грани.ру», проиллюстрировавшая новость о нападении на редакцию «Шарли Эбдо» фотографией обложки журнала, получила предупреждение РКН о недопустимости использования средства массовой информации для осуществления экстремистской деятельности. Художник Артем Лоскутов был оштрафован за публикацию плакатов с изображением т.н. «Иконы Pussy Riot», а некоторые СМИ, сообщившие об этом, получили предупреждения РКН.

## **10**

### **Оскорбление, в том числе представителей власти**

#### **Законодательство**

Ч.ч. 2 и 3 ст.5.61 КоАП, ст.319 УК РФ.

#### **Суть ограничения**

Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, является административным правонарушением. В случае, если другое лицо окажется представителем власти, а оскорбление нанесено при исполнении им должностных обязанностей или в связи с их исполнением, такие действия образуют состав преступления. Также преступлением является неуважение к суду в форме оскорбления участников процесса, судьи или других лиц, участвующих в отправлении правосудия.

Журналист или редактор также могут быть привлечены к административной ответственности за непринятие мер к недопущению оскорбления в СМИ. Впрочем, эта норма до настоящего времени не применялась.

В связи с неопределенностью формулировок, в большинстве таких дел определяющим доказательством будет заключение эксперта. Поскольку признак «неприличной формы» указан лишь в соответствующей статье КоАП, пределы усмотрения в делах об оскорблении представителей власти еще более широкие.

## **Санкция**

По ч.2 ст. 5.61 КоАП - штраф до 5 тыс. рублей на граждан, до 50 тыс. рублей на должностных лиц, до 500 тыс. рублей – на юридических лиц.

По ст.319 УК РФ – штраф до 40 тыс. рублей либо исправительные работы до одного года.

По ст.278 УК РФ – штраф до 200 тыс. рублей либо арест до шести месяцев.



## **Сведения о несогласованных митингах и демонстрациях**

### **Законодательство**

Ст.15.3 Закона об информации,

### **Суть ограничения**

Запрещаются призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Интернет-ресурсы, содержащие подобную информацию, могут быть незамедлительно заблокированы по требованию генерального прокурора или его заместителей. Владелец сайта (в том числе редакция сетевого СМИ) будет уведомлены лишь после того, как операторы связи начнут ограничивать доступ к ресурсу.

### **Ответственность**

Чрезвычайно жесткие ограничения законодательства о митингах в сочетании с неопределенностью положений Закона об информации приводят к тому, что любое упоминание места и(или) времени публичной акции, включая пикетирование, митинг или шествие, могут быть признаны призывом к участию в ней. Если на момент публикации такая акция не согласована с властями (к примеру, анонс публикуется до наступления законного срока подачи уведомления в муниципалитет), либо власти отказали в согласовании, сайт СМИ может быть заблокирован по требованию прокурора. Более того, систематическое освещение акций протеста может само по себе служить основанием для блокировки.

### **Примеры правоприменения**

В 2014 году по требованию заместителя генерального прокурора были заблокированы полностью сайты независимых изданий «Грани.ру», «Каспаров.ру» и «Ежедневный журнал». Поводом стали публикации о разгоне демонстраций в Москве, а также протестах жителей Крыма против аннексии.

# 12

## Сведения о частной жизни, личная и семейная тайна, в том числе, чиновников, право на изображение

### Законодательство

Ст.ст. 152, 152.1 и 152.2 ГК РФ, ст.140 ГПК РФ, ст.ст. 137 и 315 УК РФ, ст.15.5 Закона об информации, ст.49 Закона о СМИ.

### Суть ограничения

Законодательство о СМИ устанавливает обязанность журналиста получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей.

Также запрещается использование изображения гражданина за исключением использования изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах; изображение получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; либо гражданин позировал за плату.

Гражданское законодательство позволяет гражданину требовать удаления из интернета соответствующей информации, полученной с нарушением закона, конфискации материальных носителей и прекращения распространения такой информации. В рамках рассмотрения такого иска возможно применения обеспечительных мер в виде блокировки ресурса.

Законодательство об информации устанавливает порядок удаления такой информации на основании решения суда, исполняемого службой судебных приставов.

Специальные изъятия в отношении изображений и сведений о частной жизни чиновников в российском законодательстве отсутствуют, что позволяет государственным служащим требовать удаления из интернета публикаций, посвященных, к примеру, имуществу их супругов и детей.

### Ответственность

Незаконный сбор и распространение информации о частной жизни образует состав преступления, а также дает гражданину право обратиться в суд с иском о возмещении морального и материального вреда. Неисполнения решения суда об удалении информации также может влечь за собой уголовную ответственность.

Санкция. По ч.1 ст.137 УК РФ – штраф до 200 тыс. рублей либо лишение свободы на срок до двух лет.

По ч.2 ст.315 УК РФ – штраф до 200 тыс. рублей либо лишение свободы на срок до двух лет.

### Примеры правоприменения

В отношении директора Фонда борьбы с коррупцией Ивана Жданова возбуждено уголовное дело о злостном неисполнении решения суда в связи с отказом удалить из Youtube-канала фильм о коррупции председателя правительства Дмитрия Медведева «Он вам не Димон».

В феврале 2018 года несколько российских СМИ, в том числе «Медиазона», «Радио Свобода», NEWSru.com и Znak.com получили от РКН требования удалить публикации, посвященные расследованию возможной коррупционной связи предпринимателя Олега Дерипаски и вице-преьера российского правительства Сергея Приходько. Впоследствии стало известно, что Усть-Лабинский районный суд Краснодарского края вынес определение об обеспечительных мерах по иску олигарха к Анастасии Вашукевич (Настя Рыбка) о защите частной жизни и права на изображение, в рамках которых постановил заблокировать несколько десятков интернет-ресурсов. Редакции СМИ не были уведомлены о вынесенном судебном акте, а впоследствии им было отказано в допуске к участию в деле.



## Неуважение к власти и фейковые новости

### Законодательство

Ст.ст. 15.1-1 и 15.3 Закона об информации, ч.ч. 9-11 ст.13.15 и ст.20.1.3 КоАП.

### Суть ограничения

Запрещается распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, а также информации, выражающейся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, демонстрирует явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации.

Под неприличной формой, как правило, понимается использование нецензурной брани (см. п.1 настоящего обзора), однако решение в конечном счете зависит от эксперта.

### Ответственность

Распространение подобной информации является административным правонарушением, а также может служить основанием для ограничения доступа к интернет-ресурсу. Обо всех случаях возбуждения дел об административном правонарушении требуется в течение суток уведомлять прокурора для принятия мер реагирования и оперативной блокировки информации.

### Санкции

По ч.ч. 9-11 ст. 13.15 КоАП – штраф до 400 тыс. рублей для граждан, до 900 тыс. рублей для должностных лиц, до 1,5 млн рублей для юридических лиц, а также во всех случаях возможна конфискация предмета правонарушения (тиража, сервера и т.п.).

По ч.3-5 ст. 20.1.3 КоАП – штраф от 30 до 200 тыс. рублей либо административный арест сроком до 15 суток.

### Примеры правоприменения

К настоящему времени известно о 79 делах о неуважении к власти (в том числе случаи повторного привлечения к ответственности) и 14

делах о фейковых новостях.

К примеру, редакторку нижегородского издания KozaPress Ирину Славину оштрафовали на 70 тыс. рублей за пост в Facebook, в котором она прокомментировала установку мемориальной доски Иосифу Сталину в одном из райцентров: ««После того, как в нижегородской Шахунье на доме повесили морду Сталина, предлагается переименовать населенный пункт в Шахуйню»».

Активиста челябинского экологического движения Стоп-ГОК Сергея Белогорохова оштрафовали на 40 тыс. рублей за публикацию во «ВКонтакте» сообщения о провале грунта в поселке Роза, которые могли образоваться от взрывных работ, проводимых на Коркинском угольном разрезе.

Суд посчитал доказанным заведомую недостоверность публикации, основываясь на справке, которую представала компания, ведущая строительство комбината. В справке говорилось, что в указанный день взрывов не было.



## Признание иностранным агентом

### Законодательство

Ст.ст. 6 и 25.1 Закона о СМИ, ч.7 ст.10 и ст.15.9 Закона об информации, ст. 19.34.1 КоАП

### Суть ограничения

В 2017 году Минюст России получил полномочие признавать иностранными агентами зарубежные СМИ. Включение в перечень означает обязанность предоставлять Минюсту ежеквартальную отчетность о финансово-хозяйственной деятельности организации, сопровождать все публикуемые материалы оговоркой о том, что их распространяет «иностранное агентство», проводить ежегодный аудит.

В 2019 году положения Закона о СМИ в этой части дополнили возможностью признавать иностранным агентом не только редакции, но и физических лиц, в том числе граждан России, распространяющих материалы, созданные СМИ-иностранцами.

### Санкции

По ст.19.34.1 КоАП – штраф до 100 тыс. рублей или арест до 15 суток для граждан, до 5 млн рублей для юридических лиц.

### Примеры правоприменения

В перечень СМИ-иностранцев включены «Голос Америки», «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (РСЕ/РС) и ее проекты. До настоящего времени ни одного случая привлечения к ответственности за нарушение указанных выше норм не известно. Также ни одно физическое лицо не было признано иностранным агентом.